

ШЕДЕВРЫ ФЭНТЕЗИ

СВИДЕТЕЛЬ МЕРТВЫХ

18+

КЭТРИН ЭДДИСОН

Шедевры фэнтези

Кэтрин Эддисон

Свидетель Мертвых

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Эддисон К.

Свидетель Мертвых / К. Эддисон — «Издательство АСТ»,
2021 — (Шедевры фэнтези)

ISBN 978-5-17-147863-6

Тара Келехар — Свидетель Мертвых. Благодаря своему дару он может задавать вопросы погибшим, видеть то, что в последний миг жизни видели жертвы убийств, и читать их предсмертные мысли. В провинциальном городке Амало Таре предстоит расследовать несколько запутанных преступлений, противостоять коварным недоброжелателям и даже встретиться со сверхъестественными существами. Сможет ли Свидетель Мертвых остаться верным своим принципам и сохранить мир в душе?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-147863-6

© Эддисон К., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Кэтрин Эддисон

Свидетель Мертвых

Фантастический роман

Эта книга посвящается всем библиотекарям, которых я знаю.

Katherine Addison
The Witness for the Dead

* * *

Печатается с разрешения автора и его литературных агентов, Donald Maass Literary Agency (USA) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

Copyright © 2021 by Sarah Monette

© О. Ратникова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Святилище Улиса в его ипостаси лунного бога находилось во тьме катакомб под городом Амало. Святилище было основано тысячу лет назад, и барельеф на постаменте, изображавший четыре фазы луны, почти стерся от прикосновений многих поколений верующих. Статуя божества давно исчезла, но постамент остался.

Это место, знакомое всем местным прелатам Улиса, часто использовалось для совещаний и встреч, поскольку здесь можно было поговорить без свидетелей. В Улистэйлейане, где проводились официальные аудиенции, у стен были уши.

Дач'отала Вернезар, Улисотала – главный прелат Улиса – города Амало, был чистокровным эльфом среднего возраста. Будучи весьма честолюбивым, он нацелился на пост архиепископа, хотя нынешний архиепископ, молодой здоровый мужчина, вовсе не собирался подавать в отставку. Я ни на минуту не забывал об амбициях Вернезара, о том, что каждый его шаг тщательно продуман и рассчитан и он заботится лишь о собственной выгоде. Так что, когда я получил приказ явиться в святилище, у меня возникли серьезные опасения: мое появление в Амало не вызвало, мягко говоря, восторга у местных прелатов.

Свидетелем Мертвых меня назначил сам глава церкви. Князь Орченис встретился с архиепископом и попросил его отправить меня в Амало на неопределенный срок по двум причинам. Во-первых, в городе не было Свидетелей, подобных мне, – прелатов, которые действительно могли говорить с мертвыми. Во-вторых, сообщество прелатов Амало представляло собой, как выразился князь, «змеиное гнездо», и служители Улиса были хуже всех. Архиепископ не нуждал меня принимать назначение в Амало, но я согласился с князем Орченисом – здесь во мне нуждались. Амаломейре – управление делами церкви – назначило мне скромное содержание за то, что я сидел в конторе размером с платяной шкаф и ждал, когда жители Амало придут ко мне со своими проблемами.

Первые посетители появились не сразу, но постепенно горожане все же начали делиться со мною своими печалью и надеждами. Чаше всего их ждало разочарование, потому что я не владел магией, как это обычно показывают в операх и описывают в романах. Я не умел отыскивать ответы среди праха, а если все же находил их, они часто оказывались неудобными, а

порой и катастрофическими. Тем не менее горожане продолжали обращаться ко мне с просьбами, и я не мог им отказать.

Сегодня у меня побывали три посетителя, которым я не смог помочь. На спор с одним из них ушел почти целый час. Потом до меня дошли новости о двух делах, по которым я выступал в качестве Свидетеля, – оказалось, что лорд верховный судья Оршевар вынес неблагоприятное решение. За этим последовали долгие и бесплодные поиски на Ульваненси, муниципальном кладбище Квартала Авиаторов. Я начал поиски по просьбе одного горожанина, который считал, что его беременную сестру убил ее муж. Вместе с нерожденным ребенком. Сначала я просмотрел книгу регистрации, потом долго бродил среди могил, читая надписи на надгробиях и отыскивая имена, которых не было в регистре. Я устал и был с ног до головы покрыт кладбищенской пылью, когда Анора Чанавар, прелат Ульваненси, наполовину гоблин, принес мне записку Вернезара. Я едва не поддался слабости и пару минут даже думал, что не пойду.

Анора пошел со мной, хотя мы почти всю дорогу спорили.

– Тебе нужен свидетель, – упрямо повторял он. – Я знаю Вернезара лучше, чем ты.

– Тебе не стоит привлекать к себе внимание начальства, – возразил я в третий раз.

– Он не станет мне вредить, – продолжал настаивать Анора. – Отняв у меня бенефиций, он лишь получит новую головную боль, ведь тогда ему придется искать на это место другого глупца. Вот увидишь, он притворится, что меня там просто нет.

Анора был прав, и это быстро выяснилось. Вернезар на мгновение встретился взглядом с прелатом, но сразу отвернулся, чтобы скрыть неловкость.

Когда я разглядел спутницу Вернезара, у меня упало сердце. Отало Занарин решительнее всех возражала против моего присутствия в Амало. Это была эльфийка, довольно красивая, хотя ее красота казалась холодной; она была на несколько дюймов выше меня, но уступала в росте Аноре. Она работала на Вернезара, но я знал, что он ее побаивается. Отало Занарин тоже была честолюбива, у нее имелись связи среди начальства; сам Амал’отала, верховный священнослужитель города, прислушивался к ней.

– Добрый вечер, дач’отала, – заговорил я. Занарин демонстративно поморщилась при звуках моего голоса, грубого и сиплого – следствие болезни сессива, эпидемия которой разразилась в Лохайсо, когда я служил там прелатом. Я давно не обращал на хрипоту внимания, если не считать тех случаев, когда окружающие, подобно Занарин, напоминали мне о ней.

– Добрый вечер, Келехар, – поздоровался Вернезар. – Прошу меня извинить за то, что притащил вас в это подземелье. За время пребывания при Унтэйлейанском Дворе вы, конечно, привыкли к роскоши. Но поверьте, эту проблему нельзя обсуждать в Улистэйлейане.

– Вот как? – пробормотал я. Он сказал «меня» вместо официального «нас», и это еще больше меня насторожило.

– Формальности сейчас ни к чему, – улыбнулся Вернезар, и я мысленно поблагодарил Анору за настойчивость. Он оказался прав: свидетель был мне необходим. Прелат продолжал:

– Я просто хотел узнать, сможем ли мы прийти к соглашению.

– К соглашению? На какой предмет?

Мне ответила Занарин:

– Дач’отала Вернезар желает сделать вам необыкновенно щедрое предложение.

Занарин сразу меня невзлюбила, отчасти потому, что именно я по поручению императора Эдрехасивара VII раскрыл убийство его отца, Варенечибея IV, и арестовал заговорщиков, последователей философа Курнара. Возможно, ее раздражал и тот факт, что меня назначил на пост Свидетеля Мертвых лично архиепископ. Одно лишь это означало, что я по рангу стоял выше всех прелатов Улиса города Амало, за исключением Вернезара.

Такое положение вещей не нравилось никому, и меньше всех самому Вернезару.

С другой стороны, в качестве прелата, не имеющего бенефиция, я по рангу стоял ниже всех, кроме учеников. Занарин первой привела этот аргумент, и остальные поспешили поддер-

жать ее. Они настояли бы на своем, поскольку этот довод, в принципе, был весомым, если бы не возражения Анора и других прелатов, служивших на городском кладбище. Дело состояло в том, что сравнительно мелкая проблема моего положения в местной иерархии была связана с другим, более серьезным и давним разногласием между прелатами Улиса города Амало. Разногласие касалось критериев, по которым следовало оценивать бенефиций прелата. Некоторые выступали в пользу размеров дохода; другие, в частности Анора, утверждали, что главное – это число прихожан и площадь прихода. Существовала также фракция, выступавшая за дату основания бенефиция. Ожесточенные споры привели к расколу среди священнослужителей, и проблема до сих пор не была решена, что, как мне казалось, многое говорило об организаторских способностях и уме Вернезара.

– Я хотел, – начал Вернезар, – предложить вам компромисс. Очевидно, поскольку вас назначил непосредственно архиепископ, вы занимаете более высокое положение, чем обычные священники. Но так как у вас нет прихода, вы ниже любого прелата Улистэйлейана. Это не кажется вам несправедливым?

Мне казалось, что это гарантирует всеобщее недовольство, которое со временем могло только усилиться. Анора пробормотал:

– Прелаты Улистэйлейана также не имеют приходов.

Вернезар сделал вид, что не слышит.

– Вы предлагаете мне должность в Улистэйлейане, – медленно проговорил я.

– Да, – ответил Вернезар.

Занарин, стоявшая рядом с ним, злобно смотрела на меня.

– Но если я соглашусь вступить в эту должность, – продолжал я, – мне придется подчиняться вам.

Последовала напряженная пауза.

– Значит, вы *отрицаете*, что по долгу службы обязаны подчиняться мне? – процедил Вернезар.

– Меня назначил на это место архиепископ, – ответил я. – А не вы.

– Вы утверждаете, что вы, простой Свидетель Мертвых, равны дач’отале Вернезару? – прошипела Занарин. – Если женщина из вашей семьи ухитрилась в свое время выйти замуж за императора, это еще не означает, что...

Вернезар перехватил ее взгляд, и она осеклась.

Да, существовала и третья причина, по которой Занарин меня недолюбливала, хотя лично мне было неясно, какую выгоду мне могло бы принести родство с бездетной вдовствующей императрицей.

– В прежние времена, – вмешался Анора, намеренно глядя в сторону, – Свидетели Мертвых пользовались самым большим уважением среди прелатов Улиса.

Этим высказыванием Анора подлил масла в огонь – без сомнения, намеренно. Между священниками началась настоящая ссора. Вернезара возмутил намек на то, что его предложение недостаточно почетно для меня, а Занарин в принципе возражала против того, чтобы мне оказывали уважение. Гнев эльфийки имел под собой еще одну причину богословского характера – и, памятуя об этом, я подавил желание раз и навсегда отказаться от каких бы то ни было рангов, должностей и уважения. Занарин родилась и выросла в другом городе, и ей был свойственен южный скептицизм. Она сомневалась в том, что Свидетели Мертвых действительно могут говорить с покойными, и поэтому не желала предоставлять мне какую-либо должность и считаться с моим положением в иерархии.

Положение – это одно, подумал я, а выслушивать чуть ли не прямые обвинения во лжи – это совсем другое. Я не мог допустить, чтобы прелаты Амало пренебрежительно относились к моей работе. Неожиданно для самого себя я начал спорить и требовать статуса, который был мне не нужен – иначе пришлось бы согласиться с Занарин и признать, что мне вообще не

следует иметь никакого статуса. Тем временем Вернезар и Анора не менее яростно спорили о традициях Улистэйлейана.

В итоге время было потрачено впустую: каждый остался при своем мнении, вопрос о моем положении так и не был решен, я не отверг компромисс Вернезара, но и не принял его предложения.

Я решил отправиться в городские бани. Я чувствовал себя нечистым.

Домой я вернулся уже в сумерках.

Фонарики с длинными шестами заканчивали свой вечерний обход. Торговцы опускали решетки на окнах лавок, ученики и младшие сыновья хозяев усердно подметали тротуары. Во дворе дома, где я жил, женщины снимали с веревок вывешенное на просушку белье. Увидев меня, они смущенно заулыбались и поприветствовали меня кивками. Я кивнул в ответ. Никому не хотелось быть излишне дружелюбным со Свидетелем Мертвых.

Я зашел в каморку привратника, чтобы забрать почту. Меня ждало письмо – простой конверт, дешевая сургучная печать. Почерк был знакомым.

Я пошел вверх по лестнице в квартиру. Железные перила, нагретые за день на солнце, теплели под ладонью. На площадке, аккуратно подложив под себя белые лапы, торчал один из местных котов. Кремовые и рыжие полосы на голове и боках делали его похожим на глазированную булочку с джемом.

Когда я открыл дверь, кот громко мяукнул, встал и потянулся. Вернувшись на лестницу, я обнаружил, что к нему присоединились две его сестры-жены и еще один кот, подросток, который был слишком юным, чтобы соперничать с рыжим, и его не гнали. Третья жена сидела в тени на ступенях пролета, ведущего на верхний этаж, – слишком робкая, она не спускалась к моей двери, пока я был на лестнице. За мной наблюдали девять ярко-голубых глаз (кошка собольего окраса когда-то получила травму, и на правом глазу у нее образовалась катаракта). Я поставил на пол четыре блюда и разложил на них разделенное поровну содержимое банки сардин.

Я сидел на пороге и смотрел, как они едят; меня забавляло то, как каждый из них бдительно охранял свою тарелку от трех соперников. Пятая, боязливая кошка, темно-коричневая с черными полосами – наверное, самая крупная из всей компании, – в свою очередь, наблюдала из тени и ждала, не сводя с меня глаз. Никого из них нельзя было назвать ручным, но пятой, видимо, пришлось в свое время столкнуться с настоящей жестокостью. Я не стал давать им имен. Имена обладают слишком большой властью, ни к чему было наделять ими животных, которые целыми днями бродят по городу и появляются у моей двери только тогда, когда им хочется есть. Я не давал им имен и не впускал их в свое жилище.

Доев рыбу, слепая на один глаз кошка подошла ко мне и потерлась головой о мою ногу. Я почесал ее за ушами, похожими на маленькие парусники, и она замурлыкала – этот негромкий глухой звук напомнил мне шум двигателей воздушного корабля. Остальные кошки, не обращая на нас внимания, покончили с едой и скрылись.

Спустя некоторое время полуслепая кошка легонько прикусила мне руку, давая понять, что с нее достаточно. Я проводил ее взглядом, наблюдая, как она спускается по лестнице, маленькая и невозмутимая, а потом ушел в квартиру, чтобы пятая, самая осторожная кошка смогла прийти и доесть остатки.

Вернувшись домой, я первым делом снял и бережно повесил в шкаф официальный сюртук – он был сшит из шелка и, наверное, стоил больше, чем весь мой гардероб, – и надел свой самый любимый из трех сюртуков, черный с жемчужно-серой вышивкой на планке и манжетах. Мне уже дважды приходилось заново подшивать подол и латать локти, но в целом сюртук еще был прочным и выглядел прилично. Посмотрев на себя в небольшое зеркало, я увидел, что волосы после бани беспорядочно вьются, и потратил минут пять на то, чтобы причесаться.

Я заплел волосы в косу и соорудил скромную прическу, подобающую прелату.

Закрепил косу шпильками с жемчужными головками, как меня учили в молодости, когда я был еще послушником, – так, чтобы не было видно металла, только жемчужины. Но и жемчуг был почти невидим на фоне белизны моих волос. Закончив, я украсил конец косы новой черной лентой. Комплект шпилек был, наверное, самым дорогим предметом в моем гардеробе – после официального сюртука – несмотря на то, что жемчужины, на самом деле, были не настоящими, а стеклянными. Серьги у меня были из латуни.

Потом я вскрыл письмо.

Отправитель не стал тратить времени на приветствия, просто написал: «Встречаемся в „Речном коте“ сегодня вечером».

Я вышел из квартиры до наступления темноты, чтобы не пришлось зажигать лампу – муниципальные службы очень строго подходили к измерению количества израсходованного газа и пара, и я старался как можно реже включать освещение и отопление. По приказу архиепископа прелатство Амало было обязано выплачивать мне жалованье, но платили мало и неохотно, начальство ворчало из-за каждого зашана.

Квартал Авиаторов Амало был известен множеством чайных. Буквально в двух шагах от моего дома их было пять: «Мечта рыжего пса», «Жемчужное кольцо», «Дерево Ханево», «У Менделара» и «Речной кот». Точнее, шесть, если считать принадлежавший фабрике «Чайный лист», который я не считал. Больше всего мне нравилась чайная «Дерево Ханево»; в «Речном коте» труднее было предаваться молчаливым размышлениям, сюда приходили шумные семьи и влюбленные парочки.

Чайная представляла собой длинное помещение, разгороженное на узкие кабинки. Я прошел мимо двух нервозных молодых пар, шумного семейства с шестью или семью детьми (белобрсых отпрысков было сложно пересчитать), почтенного мужчины и его еще более почтенной супруги, которые сидели рядом и медленно пили по очереди из одной чашки. Это был очень старый ритуал ухаживания, о нем в детстве мне рассказывала бабушка по материнской линии, из рода Велверада. Две женщины – судя по сходству, сестры – читали один и тот же экземпляр «Вестника Амало», разложенный перед ними на столе: одна сестра читала нормально, а вторая вверх ногами.

Кабинки, расположенные в глубине зала, были наименее популярны, но мне там нравилось. Я мог сидеть, прислонившись спиной к теплой, обшитой шпоном стене, и быть уверенным в том, что никто не подкрадется ко мне сзади. Свидетели *вел ама* легко наживали врагов, а я был не склонен сдаваться.

Юный слуга принес мне чайник, чашки и крошечные песочные часы, которые отмеряли время заварки. Я предпочитал темный горький орчор, но он возбуждающе действовал на нервы – если я пил его вечером, то не мог уснуть до рассвета. В тот вечер я выбрал некрепкий чай исеверн и решил побаловать себя большой ложкой меда.

Я положил ложку, липкую от меда, во вторую чашку. Официанты «Речного кота» упорно приносили мне две, в отличие от слуг в «Дереве Ханево», где надо было уточнять, сколько чашек вам нужно. В течение нескольких мучительных минут я представлял себе спутника, сидящего напротив, который улыбнулся бы мне и с удовольствием облизал бы ложку. Ни один из моих возлюбленных не был сладкоежкой, поэтому эти фантазии были относительно без-

опасны для моего душевного спокойствия. Придумывать себе несуществующего любовника, конечно, глупо, но воскрешать в памяти образ умершего – это слишком больно.

Я напомнил себе о том, что Джемена не умер, просто он сейчас далеко отсюда и я его больше не интересую. Как ни странно, легче от этого мне не стало.

«Пей чай, Келехар, – раздраженно сказал я себе, – и прекрати ныть».

Пытаясь сосредоточиться на проблеме умершей и исчезнувшей сестры мера Урменеджа и изгнать из головы мысли о воображаемом возлюбленном-сладкоежке, я выпил почти половину своего маленького чайника. На стол упала чья-то тень, и я поднял голову.

Лейтенант Аджанхарад из отделения Братства Бдительности Амало, высокий широкоплечий мужчина, был наполовину гоблином. Кожа, глаза и волосы у него были темными, он редко улыбался и говорил с провинциальным акцентом, присущим уроженцам гор Мерварнен. Меня он недолюбливал.

Это чувство было взаимным. Я считал методы Аджанхарара грубыми; он предпочитал действовать силой, а не уговорами. Но, несмотря на это, я был о нем более высокого мнения, чем об остальных членах Братства. Существование Братства Бдительности, своего рода полиции, было необходимо – как в крупных городах, подобных Амало, так и в малонаселенной сельской местности. Однако методы вербовки были таковы, что в Братство вступали в основном мужчины, не отличавшиеся интеллектом и деликатностью. Граждане могли считать себя счастливыми, если в местном отделении служили относительно честные братья.

Аджанхарад всегда чувствовал себя неуютно в моем обществе. Лейтенант не был скептиком – напротив, он еще не до конца избавился от суеверий горцев относительно моего дара. Несмотря на существовавшую между нами неприязнь, я уважал его за мужество, с которым он преодолевал свой страх всякий раз, когда ему была нужна моя помощь.

Аджанхарад заговорил:

– Добрый вечер, отала Келехар.

При дворе императора почтительное обращение «отала» не употребляли как провинциальное и безнадежно устаревшее. Здесь же – в провинции – оно считалось обычным проявлением вежливости.

– Добрый вечер, лейтенант, – поздоровался я и жестом указал на свободную скамью. – Мы получили вашу записку.

Он сел, с опаской взглянув на вторую чашку и насторожив уши.

– Вы кого-то ждете, отала?

– Нет. Не желаете чаю? Это исеврен. К сожалению, с медом.

– Нет, спасибо. – Он положил на стол руки – большие, со сбитыми костяшками. – Сегодня утром патруль выловил из канала тело. Никто из нас ее не узнал.

Этот факт мало что значил сам по себе, однако представлял собой, если можно так выразиться, «отрицающее доказательство». Погибшая не являлась обитательницей Квартала Авиаторов – или, по крайней мере, не попадала в поле зрения стражей порядка. Члены Братства Бдительности хорошо знали всех местных пьяниц, драчунов и проституток, которые не могли позволить себе роскошь работать в борделе Гильдии и которых вышибалы Гильдии гоняли с улиц. Иногда такие «бездомные» проститутки заканчивали жизнь в канале.

Аджанхарад вздохнул и спросил без обиняков:

– Вы придете?

Уныние и усталость внезапно отступили, и я ответил:

– Да, конечно.

Здание капитула Братства Бдительности Амало было очень старым. Возможно, таким же старым, как таинство Анмуры Защитника, которое когда-то стало основой самого Братства и, по всей вероятности, до сих пор практиковалось в организации. Церковь не признавала четырех таинств Анмуры, но я старался не касаться этого вопроса. Здание было построено из массивных каменных блоков; на уровне глаз на камне были вырезаны имена командиров, покоившихся в склепе Братства. Этот обычай зародился через несколько веков после постройки здания капитула. За шестьсот или семьсот лет они заполнили двадцать девять блоков.

Аджанхарад, миновав величественный парадный вход с площади Генерала Парджадара, провел меня в боковой переулок, к неприметной двери. Я спустился следом за ним в подвал и подождал, пока он, кряхтя, откроет древний замок.

В подвале здания капитула не было газового освещения, и братья держали на крюках у двери несколько фонарей. Аджанхарад взял один из них и, ловко орудуя своими толстыми пальцами, поднес к фитилю зажигалку. Такие фонари не давали *много* света – в Амало их называли «совиными», потому что они были размером с крошечных визжащих сов, гнездившихся под карнизами крыш городских домов. Но даже такой фонарь был лучше свечи и гораздо лучше, чем полная темнота.

Спустившись еще на два лестничных пролета, мы очутились в просторном склепе Братства. Это было единственное место в Квартале Авиаторов, где тело могло храниться долго. Прежде чем действовать дальше, женщину необходимо было опознать – никто не желал хоронить неизвестную. В отличие от южных и западных городов, откуда я начал свой путь прелата, в Амало были распространены три основных типа погребальных обрядов и дюжина других практик, которым следовало относительно небольшое число верующих. Возможно, существовали еще какие-то обряды; никто не мог уследить за расколами сект, за культами героев и членами тайных братств, спускавшимися с гор. Каждая община готовила тело к погребению по-своему, и неверно проведенный обряд *в лучшем случае* оскорблял чувства родственников и членов конгрегации. Иногда злополучный священник вынужден был просить о переводе в другой приход.

Братство хранило тела в холодном подвале еще и потому, что для установления причины смерти иногда требовалось довольно много времени. Только ответив на этот вопрос, можно было сделать вывод о том, что произошло: несчастный случай или убийство. Сейчас речь шла в меньшей степени о причине смерти; главный вопрос заключался в том, где погибла женщина и кто она такая.

Братья бережно уложили тело на чистую белую простыню. Религиозные обряды требовали использования черного цвета, но черная краска, которая выдержала бы частую стирку, была дорогой, и никто не желал тратить ее на простыни для морга. Впрочем, белый был не хуже – он означал, что эта женщина, подобно всем умершим, находится под защитой императора. Это была молодая эльфийка – судя по лицу и рукам, не старше тридцати лет. Я не заметил никаких признаков того, что она рожала; ее руки были нежными, без мозолей. Спутанные белые волосы свешивались со стола почти до пола. Эта женщина не принадлежала к сословию священников, не была ни служанкой, ни фабричной работницей. Возможно, она была женой аристократа или дочерью зажиточного горожанина. *Возможно*, она была проституткой, но если и так, то работала в одном из элитных борделей в районе Верен'мало; на ее лице не было видно признаков нищеты или болезней. Бархатное темно-зеленое платье, испорченное водой, явно дорого стоило. На манжетах расплылись темные пятна от ниток, которыми был вышит цве-

точный узор, – их выкрасили некачественной краской. Однако манжеты были шелковыми – возможно, второго сорта, но, поскольку платье побывало в канале, я не мог сказать наверняка. Осмотрев одежду, я обнаружил в складках юбки карман, а в нем – комок влажной бумаги.

– Что это? – спросил Аджанхарад.

– Мы не знаем, – ответил я, бережно разворачивая бумагу. Но осторожность оказалась излишней: чернила расплылись и превратились в серовато-лиловое пятно, слов было не разобрать. – Ничего полезного.

Я дотронулся до лба покойной – холодная, жалкая, беззащитная плоть – дом, обреченный на снос, но пока что не снесенный. Обитательница еще не покинула его. Не совсем.

– Вы сможете? – спросил Аджанхарад.

– Да, – ответил я.

Молитва о сострадании к умершим была мне слишком хорошо знакома. Женщина забыла свое имя, забыла, кто желал ей смерти и почему. Но момент гибели она помнила. Она была еще жива, когда ее тело ударилось о поверхность воды. У нее перехватило дыхание. Незнакомка помнила, как упала с пристани – точнее, ее с силой толкнули вниз. Она помнила черную ледяную воду, кирпичную набережную, помнила, как в панике хватала ртом воздух.

Она не умела плавать. Несмотря на близость реки, каналов, озера, немногие жители Амало обладали этим навыком.

Я чувствовал, как бархатное платье тянуло ее ко дну. Бархат быстро пропитывался водой, становясь все тяжелее. Она пыталась звать на помощь, но в рот попала отвратительная тухлая вода. Женщина не успела даже понять, что умирает: внезапно она почувствовала страшную боль в затылке, и все было кончено.

Оказалось, что она все-таки не утонула.

Я убрал руку и, отступив назад на пару шагов, разорвал связь с умершей. Связь исчезала не сразу, требовалось несколько мгновений; лишь после этого я мог снова прикасаться к ней, не опасаясь, что меня затянет в ее воспоминания о смерти.

– Есть что-нибудь? – без особой надежды спросил Аджанхарад.

– Имя не удалось узнать, – сказал я, поскольку ему прежде всего нужно было имя. – Но это точно убийство. Не самоубийство и не несчастный случай.

– Бедная женщина, – произнес лейтенант, благословляя умершую ритуальным жестом.

– Она была еще жива, когда упала в воду, – продолжал я. – Но умерла не от утопления. Взгляните. – Я осторожно ощупал затылок трупа и повернул голову, чтобы Аджанхарад смог увидеть глубокую рану.

Лейтенант содрогнулся – ему почти удалось это скрыть, но прижатые к голове уши его выдали.

– Это лучше, чем утонуть, – заметил я.

Он сухо ответил:

– Мы обязательно сообщим об этом ее родным. Если у нее остались родные. Поскольку нам ничего не известно о ее семье, а времени крайне мало, мы обращаемся к вам от ее имени. Будете ли вы ее Свидетелем?

– Да. – Я прокрутил в голове чужие воспоминания. – Мы считаем, что можем указать место, где ее толкнули в канал.

Аджанхарад кивнул.

– Мы постараемся сохранить тело как можно дольше.

Но даже в холодном склепе Братства тело не могло храниться бесконечно.

Как я и думал, в ту ночь мне снилась смерть в воде. Иногда я тонул сам; это было жутко, но другие сны оказывались еще ужаснее. Я беспомощно стоял на кирпичной набережной и смотрел, как Эвру бьется в черной ледяной воде; зная, что он сейчас утонет; зная, что не смогу ему помочь. Я проснулся до рассвета, но испытал не досаду, а облегчение.

Я поднялся с постели в темноте, оделся на ощупь. Лишь войдя в крошечное миченмейре, святилище, которое я устроил в своей кладовке, я зажег свечи – семь свечей, одну за другой, – совершая безмолвный обряд, который знал с детства.

Мои бабушка и дед из семьи Велверада были последователями особого религиозного учения; меня посвятили в его таинства в тринадцать лет, незадолго до начала служения Улису. Мы считали, что Улис – ненастоящее имя бога смерти, снов, зеркал и луны. Его истинное имя произносили вслух только во время посвящения ребенка. Мы поклонялись ему молча, в свете семи свечей. И сейчас, следуя безмолвному ритуалу, я опустился на колени перед алтарем, который сделал из старого туалетного столика. Столик был задрапирован черным сюртуком, изношенным настолько, что его невозможно было носить. На столе лежала единственная драгоценность, которой я владел, – прядь длинных шелковистых волос Эвру, ослепительно белая, как лунный камень. Я бессовестно украл ее после того, как Эвру остригли перед казнью. Я не имел права на этот локон, но не расстался бы с ним даже по приказу императора.

Я звал его Эврин – так называют белых оленей размером с мастифа, которые живут на юге и иногда забредают в пшеничные поля. Он никогда их не видел, и я рассказывал ему о них, описывал их длинные стройные ноги, огромные лучистые глаза. На них не охотятся – они являются священными животными религиозной секты гоблинов, имеющей большое влияние в приграничных округах. Эти пугливые животные выходят только по ночам, но если у наблюдателя хватит терпения ждать неподвижно, олени рано или поздно приближаются, и можно рассмотреть даже крапинки на их шкурках – белые на белом. Олени пасутся, опустив головы к сочной траве и время от времени настораживаясь. Если их что-то пугает, они убегают с удивительным проворством, быстрее любой лошади. Эвру, длинноногий и застенчивый, и в самом деле был очень похож на эврина. Если бы только он решился убежать, пока у него еще оставалась такая возможность...

Я потер лицо ладонями и, мысленно повторяя Молитву Сложенных Рук, задул свечи, смиряясь – вернее, пытаясь смириться – с тем, что прошлое ушло навсегда и его нельзя изменить.

Завтракал я в чайной «Мечта рыжего пса». Повар, уроженец Бариджана, хорошо готовил традиционное блюдо, ослав; изысканный чай у них получался ужасно, зато купаж под названием «Чай Авиатора» был таким крепким, что с его помощью можно было бы накрахмалить воротничок. В то утро я как раз нуждался в крепком чае для того, чтобы прогнать туман из головы, прогнать сны и воспоминания о глазах Эвру.

После завтрака я решил сэкономить на трамвае и пошел пешком. Вышел из Квартала Авиаторов, срезал путь до Мостовой улицы и поднялся на холм, в район Верен'мало – Старого Города, где располагались высокие внушительные правительственные здания, в том числе суд. Мне предоставили тесный кабинет в Доме князя Джайкавы (чтобы не искать свободное помещение в подземном лабиринте Амаломейре). Сюда и приходили горожане, нуждавшиеся в помощи Свидетеля Мертвых. Посетителей по-прежнему было немного, поэтому я испытал некое облегчение, когда мои услуги понадобились Братству Бдительности, пусть даже и в нерабочее время. Без них я чувствовал бы себя как корабль во время штиля или выброшенный на берег кит.

Мне пришлось бы целыми днями читать от корки до корки утренние выпуски трех газет, издававшихся в Амало, и привозные бариджанские романы с вульгарными фиолетовыми обложками, которые продавались на Шелковом рынке по два зашана за штуку.

В моем кабинете уже набралась целая полка этих книг, по размеру напоминавших кирпичи и весивших почти столько же.

В утренние часы работы суда я обязан был находиться в кабинете и ждать посетителей. После этого мне разрешалось свободно перемещаться по городу и выполнять порученные мне дела. По-прежнему оставалась проблема сестры мера Урменеджа – я не мог выступать в качестве ее Свидетеля, не отыскав тела. Сегодня утром принесли письмо без подписи; отправитель явно нуждался в помощи, но я не мог ему помочь. Кроме того, поступило большее, чем обычно, количество ходатайств. Двоих просителей я перенаправил в Городское бюро регистрации смертей, третьему следовало обратиться в Амаломейре, прежде чем приходить ко мне, а четвертая просительница, очень сердитая молодая эльфийка, пришла с проблемой спорного завещания. Стороны обвиняли друг друга в мошенничестве.

– Когда скончался ваш дед? – спросил я.

– Две недели назад.

– В таком случае, даже если его дух до сих пор остается в теле, он не вспомнит того, что вам нужно.

– Вы не знали нашего деда, – мрачно проворчала женщина, на мгновение опустила взгляд, потом решительно посмотрела мне в глаза. – Все, о чем мы просим, отала, – это попытаться. Это самый *пристойный* способ разрешить наш семейный спор.

– Даже если он скажет не то, что вы хотите услышать?

Она нахмурилась и покачала головой.

– Все равно это будет лучше, чем бесконечная ссора. Пожалуйста, отала.

Я не имел права отказать просителю.

– В таком случае мы сделаем все, что в наших силах, но вы должны понимать: возможно, уже слишком поздно.

– Мы понимаем, – ответила она.

Оставалось надеяться, что остальные члены семьи согласятся на мое вмешательство.

Ее звали Алашо Дуалин. Ее дед, господин Дуалар, возглавлял «Дуалада и Кедхарад», одну из крупнейших в Амало фирм, занимавшихся импортом товаров. У них имелись отделения в нескольких больших городах на юге и востоке страны. Долгий и горький опыт подсказывал мне, что конфликты из-за наследства никак не связаны с оспариваемыми суммами, но я понимал, почему мин Дуалин так рассержена. Пока продолжалась тяжба, сотрудники «Дуалада и Кедха-

рад» находились в подвешенном состоянии. (Мер Кедхарад жил в Бариджане, поэтому от него нельзя было ждать четких указаний.) Мин Дуалин, как хорошая дочь бюргера, беспокоилась об убытках, которые мог вызвать длительный простой, и опасалась интриг конкурентов.

Мы сели на трамвай линии Вестрано и спустились с холма в богатый район, расположенный к северу от канала Мич'майка. Поскольку мин Дуалин поехала со мной на трамвае, вместо того чтобы вернуться домой в частном экипаже, я заключил, что ее решение призвать на помощь Свидетеля *вел ама* либо не было известно семье, либо вызвало возражения. Среди сыновей и дочерей буржуа было модно пользоваться общественным транспортом вместо семейных карет, однако молодые женщины никогда не ездили без сопровождающих.

Я спросил:

– Кто-нибудь из ваших родственников знает о том, что вы обратились к нам?

Она вздрогнула и виновато посмотрела на меня. Этого было достаточно.

– Ваша семья вас за это не похвалит, – предупредил я.

– По крайней мере, они прекратят *ссориться*. Наш отец и его братья не разговаривают друг с другом, если речь не идет о завещании бабушки. А у нашей матери нет способностей к дипломатии.

По собственному опыту я знал, что это настоящая беда для женщин из обеспеченных семей. Они не выбирали себе мужей – за них выбирали родители. Мин Дуалин вздохнула и добавила:

– Мы не думали, что между членами нашей семьи существует настолько сильная затаенная вражда.

Мы сошли с трамвая у Дачен Ксайванат, самого глубокого колодца на севере обитаемого мира, и прошли два квартала до дома, расположенного неподалеку от городской стены. Наверное, этот квартал строился в те времена, когда дед мин Дуалин сколачивал свое состояние. Кирпичи выцвели и стали розоватыми – это означало, что они были сделаны из местной глины. Мин Дуалин решительно стиснула зубы и поднялась на крыльцо.

Прежде чем она успела прикоснуться к дверной ручке, дверь открылась и на пороге показалась экономка.

– Мин Алашо, *где вы были?* – воскликнула женщина.

– Мы привели Свидетеля Мертвых, – сказала мин Дуалин и жестом пригласила меня в дом.

Экономка уставилась на меня как на диковинку, атриум внезапно заполнили родственники хозяев: три брата Дуалада, о которых рассказывала мне девушка, их жены, дети и супруги детей. Мин Дуалин не уточняла, сколько у нее братьев, сестер и кузенов, но, присмотревшись, я нашел сильное семейное сходство между представителями рода. Я мог легко отличить кровных родственников от мужей и жен. Здесь даже была одна дама родом из Бариджана – явно чья-то жена.

– Алашо, – заговорил старший из мужчин (очевидно, отец девушки), – что все это значит?

– Мы обратились к Свидетелю *вел ама* с просьбой прийти сюда и поговорить с бабушкой, – ответила мин Дуалин. Робость явно была ей несвойственна.

Как я и ожидал, это заявление было встречено хором рассерженных и возмущенных голосов; родственники восклицали, что в этом нет *нужды*, что она не имела *права*. Я посчитал досадным то, что отец мин Дуалин рассердился даже сильнее братьев и выговаривал ей, как непослушному ребенку.

Наконец, когда мне стало ясно, что они не успокоятся, я выступил вперед. Присутствующие мгновенно смолкли и обернулись ко мне. Выглядели они настороженными. Их реакция одновременно уязвила и позабавила меня.

Я заговорил:

– Мы приняли ходатайство мин Дуалин как законное и разумное. Бесплезно увещевать ее. Возможно, вы обрадуетесь, узнав, что в круг наших обязанностей не входит выяснение причин вашего поведения – причин, по которым никто из вас не пожелал поступить так же.

Потрясенное молчание стало, если можно так выразиться, еще более потрясенным.

Я продолжал:

– Насколько мы понимаем, тело мера Дуалара было кремировано, но прах находится у вас.

После очень долгой паузы старший из мужчин рода Дуалада ответил:

– Да, это верно. Мы не можем развеять прах до тех пор, пока... Наш отец указал в завещании, что прах должен развеять его наследник.

А поскольку наследник до сих пор не был определен, это означало, что с пеплом ничего нельзя было поделывать. Им повезло в том, что оба завещания, и настоящее, и поддельное, требовали кремации. Если одно из них указывало, что тело следует забальзамировать, Дуалада, которые не могли бы сделать ни того, ни другого, оказались бы в кошмарном положении.

У меня, отнюдь не впервые, возникло искушение сказать: «Самый простой способ избавиться от нас поскорее – это согласиться сотрудничать с нами». Вместо этого я произнес:

– Мы понимаем, что ваша семья переживает очень трудное время, и не желаем огорчать вас и создавать вам новые проблемы. Нам потребуется провести лишь несколько минут рядом с прахом мера Дуалара, чтобы понять, сможем ли мы вам помочь.

– Вполне разумное предложение, – неожиданно заговорил один из младших братьев. – Пожалуйста, следуйте за нами, отала.

Я пошел за ним, но меня охватило дурное предчувствие. Либо юноша блефовал – рассчитывал на то, что я не смогу говорить от имени его отца, – либо он не был замешан в подлоге. Мин Дуалин сообщила мне, что два младших брата настаивают на подлинности второго завещания. Если они были невиновны, значит, поддельный документ был представлен отцом мин Дуалин.

Семейная часовня была богато отделана мрамором и сусальным золотом; на табличках с именами усопших было вырезано изображение тотема рода – волка. Погребальный обряд дома Дуалада – кремация тел и развеивание праха – считался в столице варварским, однако не существовало лучшего способа защиты от упырей. Так хоронила умерших половина жителей Амало – те, кто был достаточно богат и мог себе это позволить.

Остальные старались установить на могилы надгробия получше.

Младший брат хозяина указал на урну с прахом отца, стоявшую на алтаре в окружении *миченотас*, и вежливо удалился.

Я взял в руки деревянную урну из кедра, искусно украшенную замысловатым орнаментом в виде переплетающихся кругов, и вознес безмолвную молитву Улису с просьбой помочь мне найти истину. Я знал, что не следует просить недостижимого.

Я начал шептать молитву о сострадании к умершим – она стала моим постоянным спутником, сопровождавшим меня даже во сне. И медленно, осторожно приоткрыл крышку.

Среди праха лежал перстень с печатью покойного. Я прикоснулся к нему кончиком пальца, стараясь не уронить урну. Несмотря на предчувствия, я вполне явственно ощутил присутствие Непены Дуалара – холодного алчного человека, очень довольного тем, что основанное им дело будет процветать под руководством его сына. Его сына Пелары.

Старшего сына звали иначе.

Я предупреждал просителей о том, что найденные мною ответы могут им не понравиться, но еще ни разу ни один из них не внял моему предупреждению.

Я аккуратно закрыл урну и вернул ее на алтарь. Еще раз вознес молитву о сострадании к умершим, поклонился богам-покровителям семьи и покинул святилище.

Увидев выражение моего лица, младший брат нахмурился и опустил уши, но без слов проводил меня обратно в атриум. Остальные в неловком молчании стояли на прежних местах.

– Ну? – спросил старший мер Дуалар.

Теперь, когда я знал правду, я видел, что он блефует, и невольно восхитился его упорством.

– Кто из вас Пелара Дуалар? – спросил я.

– Это наше имя, – ответил мужчина, провожавший меня в часовню.

Я заметил, что мин Дуалин нахмурилась – она вспомнила, что не называла мне имен своих дядей.

– Примите наши соболезнования, мер Дуалар, – произнес я, глядя на него. – Вы – наследник отца.

Я вышел из дома Дуалада через час с лишним, измученный и голодный. Как обычно, мое объявление вызвало бурные споры. Родственники, которые поддерживали старшего сына, не желали верить в то, что он подделал завещание, и мне несколько раз пришлось повторить, что умерший назвал имя «Пелара», а не «Непевис». Со своей стороны, Пелара Дуалар весьма предусмотрительно пригласил двух слуг в качестве официальных свидетелей, чтобы после моего ухода не возникло никаких сомнений относительно смысла моих слов. Я пообещал ему, что составлю письменный отчет, в котором изложу суть происшедшего.

Никто не говорил о том, как они намерены поступить с бесчестным Непевисом Дуаларом, но я подозревал, что этот вопрос не даст его младшим братьям уснуть ночью.

Мин Дуалин просто исчезла. Я надеялся, что она не винит себя в случившемся, но знал, что это не так. Она не могла не винить себя. Как часто делали мои просители, девушка приняла решение, полагая, что знает, что скажет умерший. И ошиблась – как многие до нее. Со временем она, возможно, найдет утешение в мыслях о том, что способствовала установлению истины. Некоторых это утешало; некоторых – нет.

Я не мог ей помочь, мой дар заключался не в утешении. По правде говоря, я и сам не находил в поисках истины утешения. Это был мой *долг*.

Я вернулся пешком на *остро* – остановку трамвая – под названием «Глубокий Колодец». Большинство крупных городских храмов в городе располагались рядом с остановками, и «Глубокий Колодец» не был исключением. Несмотря на то что остановка была крошечной, размером с восковую печать, она могла похвастаться чайной под названием «Госпожа рек». Здесь работали послушники из *ксайватэйлейана* соседнего храма. Я купил глазированную булочку с корицей и чайник чая орчор на две чашки, устроился в кабинке на двоих и задернул занавеску. Я, как обычно, наслаждался терпким вкусом напитка, благодарный сегодня именно его горечи, словно та могла провести жирную черную черту между мной и семейством Дуалада. Я старался не думать о том, сколько семей сделали несчастными мои откровения, и постоянно напоминал себе слова архиепископа о том, что не совершал ничего сверх того, о чем меня *просили*.

Порой эти слова казались мне казуистикой, но это была еще одна жирная черная линия – словно каллиграфическая надпись на хорошей хлопковой бумаге.

Я сел в трамвай, доехал до остановки «Даченостро» и пересел на линию Зулничо, которая вела прямо на юг, к Ульваненси. По правде говоря, мне полагалось сейчас отправиться в Улистэйлейан и найти комиссию из трех прелатов, но после вчерашнего общения с Вернезаром мне не просто неприятно было идти туда – я считал это нецелесообразным. К счастью, я знал, где еще можно найти трех прелатов и даже четвертого, который будет писцом. Под началом Аноры было трое священнослужителей – Дайброхар, Эрленар и Видреджен. Дайброхар и Видреджен были эльфами из Джа’о, а Эрленар был наполовину гоблином и родился в Чохаро. Дайброхар и Эрленар совсем недавно стали священниками; Видреджен оставила в Кайрадо богатый приход и говорила, что Ульваненси ей нравится намного больше.

Я нашел Анору и его подчиненных в конторе. Три прелата переписывали данные из регистрационной книги, чтобы отправить сведения в Городское бюро регистрации смертей. Эрленар мыл окна. Все были рады оставить свои занятия под благовидным предлогом, хотя новое дело, слушание моего свидетельства, было не менее скучным. Им уже приходилось выслушивать мои показания, поскольку почти сразу же после приезда в Амало я понял, что прелаты из Улистэйлейана не слишком дружелюбно ко мне настроены.

Дайброхар взял на себя роль писца, и я рассказал о событиях сегодняшнего утра, подчеркнув тот факт, что умерший помнил имя своего наследника. И что он назвал имя «Пелара», а не «Непевис».

– Мерзкое дельце, – заметил Анора, когда я договорил.

– Да, – согласился я. – Остается благодарить богов за то, что моя роль в нем закончена.

Анора сделал знак, отгоняющий злых духов, и вздохнул:

– Будем на это надеяться. Я отнесу документы в Улистэйлейан, если хочешь.

– Ты очень добр ко мне, – ответил я.

Анора пожал плечами.

– Это нетрудно. *Мне* они не будут чинить препятствий.

– Ты прав, – сказал я, внезапно почувствовав, как сильно устал. – Не будут.

Я вернулся на трамвае из Ульваненси обратно на север, сошел на остро «Мостовая улица» и направился к Ревет’вералтамару; это место находилось на излучине, там, где Мич’майка огибал Святилище Ксайво. Именно здесь на берег выносило тела, сброшенные в канал. В стене имела калитка, а за ней – ступени, спускавшиеся к воде. У меня был ключ.

Сегодня я спустился сюда не потому, что рассчитывал найти что-то полезное, но лишь потому, что, как прелат Улиса, я был обязан оплакивать безымянных мертвых. А оплакать убитую девушку – значило пройти по пути ее тела, насколько это было в моих силах. Здесь, в Ревет’вералтамаре, ее вытащили из воды. Я смотрел на скользкие серые камни, покрытые мхом, слушал плеск волн, вдыхал гнилостный запах. Ревет’вералтамар был отвратительным местом.

Когда я повернулся, чтобы уйти, мое внимание привлекло что-то маленькое и блестящее, застрявшее среди камней. Я наклонился и подобрал серьгу: три каплевидных кусочка графеного стекла, сломанная застежка. Украшение не обязательно принадлежало погибшей женщине, чье тело сейчас лежало в склепе, но, тем не менее, это было вполне вероятно. Сережка оказалась недорогой, но красивой, и при газовом освещении стекляшки можно было бы при-

нять за бриллианты. Я подумал, что, если мне удастся хотя бы приблизительно установить личность женщины, серьга может подтвердить мои догадки. Я спрятал вещицу во внутренний карман и поднялся по лестнице обратно в город.

Выйдя на улицу, я запер калитку на замок.

Я дошел пешком до пристани, от которой отходил муниципальный паром. В середине дня добраться из центра города в район Джеймела на пароме было удобнее, чем на трамвае. На закате, после закрытия фабрик, паром был переполнен – все, кто хотел выпить чего-то покрепче чая, стремились попасть в бары на южном берегу Мич'майки, ближе к его восточному концу. Туда же ехали и проститутки. И карманники. Вероятнее всего, именно на пароме жертва прибыла туда, где ее убили.

Сейчас меня окружали преимущественно буржуазные семьи, направлявшиеся на западный берег озера Джеймела, в свои загородные дома, а также первые бармены и официанты, которые ехали на работу – подготовить бары к открытию.

Я поймал на себе несколько любопытных взглядов, но никто не проявил бестактности и не спросил, что я здесь делаю. Я притворился, будто погружен в свои мысли и ничего не замечаю.

Я сошел с парома у южных доков и пошел вдоль канала, разыскивая док из воспоминаний покойницы. Картина была четкой и яркой, какими обычно и бывали воспоминания мертвых – если они вообще сохранялись. Я видел больше, чем видела погибшая. Я знал, что пристань выдается в канал. Знал, что она заставлена горами ящиков, но в самом конце причала было пусто – женщина не могла бы там спрятаться и ей нечего было использовать для самообороны. Возможно, преступник спланировал все заранее, возможно, ему повезло, но место было идеальным для убийства. Вдоль набережной тянулись мрачные складские помещения, но я не видел нужной мне пристани. Я миновал веревочную мастерскую. Потом увидел единственный бар, открытый днем, – он назывался «Пес лодочника». Это было довольно большое заведение, выстроенное вокруг древнего святилища Осрейан; кроме спиртного, здесь подавали чай. Городской совет принял закон, запрещающий чайным продавать алкоголь, но было поздно что-то менять – «Пес лодочника» был и баром, и чайной в течение нескольких поколений.

Позади заведения находилась пристань. Я сразу ее узнал.

В баре было темно и прохладно, и я некоторое время блуждал по узким коридорам, прежде чем нашел очаг – центр чайной. Молодой мужчина-гоблин с традиционными бариджанскими косичками, в вышитых войлочных тапочках, популярных в Амало, поклонился и спросил, чем здесь могут мне помочь. Традиционные для Амало слова. Потом, рассмотрев мой черный сюртук и толстую, неаккуратно заплетенную косу прелата, он добавил: «отала». Выглядел он встревоженным.

Поскольку мое призвание запрещало обманывать, я сказал:

– Меня зовут Тара Келехар, я Свидетель Мертвых. Я пытаюсь выяснить, где и как провела свои последние часы молодая женщина, чье тело вчера выловили из канала. Это была голубоглазая эльфийка, примерно вашего роста. На манжетах ее платья был вышит цветочный орнамент.

Я показал ему портрет, сделанный одним из послушников Братства; художник постарался изобразить женщину живой. Официант внимательно рассмотрел рисунок и покачал головой.

– Она похожа на многих наших клиенток, отала, – извиняющимся тоном сказал он, – но я попрошу Ксату, бармена, прийти и поговорить с вами. Возможно, он узнает эту госпожу.

Я подождал. Ксата был всего на пару лет старше юного гоблина, который тем временем вернулся к мытью чайников, но был чистокровным эльфом. Его белые волосы были заплетены в толстую косу, которую юноша скрутил в узел на затылке; кроме того, у него, видимо, водились деньги на украшения: в левом ухе поблескивал ряд серег с аметистовой крошкой. Его серые глаза отливали золотом, что свидетельствовало о небольшой примеси крови гоблинов. Бармен взглянул на рисунок, выслушал мое описание и сказал:

– Она не была нашей постоянной посетительницей, отала, но больше я ничем не могу вам помочь.

Глупо было надеяться, что мне повезет с первой попытки. Я попросил Ксату набросать схему расположения окрестных баров, и он быстро, уверенно нарисовал карту. Улыбнулся, протягивая мне ее, и сказал:

– Удачи вам, отала. Возможно, вам стоит зайти в «Золотую чайную свечу». Большинство и'онрайо пьют там.

Словом «и'онрайо» в Амало называли проституток, не принадлежавших к Гильдии и не работавших в борделе – так же называли течную кошку, призывающую самца характерным мяуканьем. Вероятно, убитая занималась проституцией на улице. Я по-прежнему в этом сомневался; она выглядела здоровой и была слишком хорошо одета для и'онрайо, которые жили в отвратительных условиях и зарабатывали гроши. Но в тот момент других предположений у меня не было.

Во второй половине дня мне удалось обойти район Джеймела. Я нашел все бары, которые отметил на схеме Ксаты, а заодно несколько свечных и бакалейных лавок, магазины подержанной одежды, бордели, фотостудии, множество ломбардов, районные городские бани, платную конюшню и храм Ксайво. Поскольку источником благосостояния Амало являлись каналы Джомайкора и Мич'майка, в городе было много святилищ богини рек. На закате я заметил у фабричных ворот к западу от причала лоток уличного торговца и купил себе тобасту за ползашана. После наступления сумерек бары открылись, и я начал планомерный обход по карте Ксаты.

В восьмом по счету баре, а может быть, в седьмом или десятом, бармен-полугоблин, возвращая мне портрет женщины, внезапно нахмурился и взглянул на него еще раз.

– О, – пробормотал он. – *Она*.

– Вы ее узнаете?

– Она была здесь позавчера вечером. Слишком шикарно одета. Никогда раньше ее не видел. Заказала только бокал рисового вина и занимала столик часа два. Одна. Эта дама не и'онрайо: я видел, как она отказала нескольким мужчинам. А потом, в половине двенадцатого, она поднялась и ушла. – Бармен немного подумал и добавил: – Кажется, Атрис сказал, что она оперная певица.

От удивления у меня даже опустились уши.

– Она... Кто?

– Эй, Атрис!

Официант, вытиравший столик, поднял голову.

– Вы меня зовете?

– А что, здесь есть еще какие-нибудь Атрисы?

– Вроде нет.

Хрупкий, миловидный эльфийский юноша с огромными фиалковыми глазами подошел к барной стойке.

– Ты говорил, что знаешь, кто эта госпожа, – напомнил бармен и протянул Атрису рисунок.

– О! – Официант оживился. – Да, та самая дама, которая была здесь позавчера. Это Арвене’ан Шелсин. Она исполняет ведущие партии меццо-сопрано в Алой Опере.

– Уверен?

– О да! Я видел ее в «Тормедо» прошлой весной.

– А зачем вы разыскиваете мин Шелсин, отала? – поинтересовался бармен.

– Ее тело вытащили из канала вчера утром, – объяснил я и грустно вздохнул про себя, увидев выражение ужаса на лице Атриса.

– О нет! – воскликнул он. – Но как же...

– Именно это я и пытаюсь выяснить. Эта дама разговаривала с вами?

– Она лишь обмолвилась, что ждет, – ответил Атрис, – но не сказала, кого или чего она ждала.

– Она была одна?

– Да. Ушла за полчаса до полуночи, одна, так же, как и пришла.

Итак, скорее всего, ее убили где-то в другом месте. Однако теперь у меня было имя. Я вспомнил серьгу, показал ее официанту, и он кивнул.

– Да. У нее были каплевидные серьги в обоих ушах и низка хрустальных бусин в волосах. Это выглядело чудесно.

– Спасибо, – сказал я. – Вы очень помогли.

Я вышел из бара, размышляя о том, с кем же мин Шелсин встретила в ту полночь. Что касается вопроса «где», я был почти уверен, что местом встречи стал «Пес лодочника». Иначе зачем было преступнику сбрасывать ее в воду именно с этой пристани?

Я пошел назад к бару, недоумевая, зачем оперной певице из Верен’мало нужно было ехать на встречу с убийцей на другой конец города, в Джеймелу. Это свидетельствовало о твердом намерении сохранить тайну – тайну, которая, возможно, явилась мотивом для убийства.

«Пес лодочника» был забит до отказа, все столики были заняты, посетители толпились у стойки, проститутки из Гильдии слонялись, бросая на мужчин призывные взгляды из-под полуопущенных ресниц. Я начал пробираться к стойке, когда мне пришло в голову, что следует расспрашивать не бармена, а проститутку. Если убитая побывала здесь, они наверняка наблюдали за ней, чтобы убедиться в том, что она не и’онрайо; и, скорее всего, видели, с кем встречалась мин Шелсин.

Я поговорил с несколькими женщинами. Их позабавило и заинтересовало то, что к ним обратился прелат, и они внимательно рассматривали портрет. Но удача улыбнулась мне не сразу. Наконец, эльфийка, назвавшаяся Харо, сказала:

– Знаете, а я ее *видела* – позавчера ночью. Эта дама носила хрустальные бусины в волосах и была слишком хорошо одета.

– Да, это она, – сказал я. – С ней кто-то был?

Харо, задумавшись, прикусила губу.

– Она сидела за столиком... Да, с ней был мужчина, потому что я помню ее искусственный, театральный смех в ответ на какое-то замечание. Но его я совершенно не помню, извините, отала.

– Не нужно извиняться, – сказал я. – Вы очень помогли.

Девушка внезапно улыбнулась, смущенно, без тени кокетства, и добавила:

– Она не была одной из нас, и я не думаю, что она была с улицы.

Прежде чем я успел поблагодарить ее или задать следующий вопрос, выражение лица и поза Харо изменились, и она отошла под руку с каким-то гоблином среднего возраста, прекрасная и недоступная, как облако.

На следующее утро я вернулся в Дом князя Джайкавы, к своей почте, бумагам и ожиданию посетителей. Никто не пришел, и я воспользовался свободным временем для того, чтобы записать добытые мною сведения об убитой женщине.

В одиннадцать часов, выглянув в коридор и никого не увидев, я вышел из кабинета и отправился в другое странное учреждение, располагавшееся в Доме князя Джайкавы – во владения картографов Муниципального трамвайного управления Амало. Клерки и картографы, работавшие там, должны были по долгу службы знать, где именно проходят трамвайные линии, и давать четкие и точные указания ремонтным бригадам. Стены были увешаны картами – готовыми, незаконченными и теми, что представляли собой лишь карандашные наброски. Шкафы для документов были забиты папками с инструкциями насчет того, как добраться от Дома князя Джайкавы до любого места в Амало. Однажды я случайно услышал спор по поводу смены «начальной точки»; кто-то называл Амал’тэйлейан «более подходящим», но даченсол Орджимар, главный картограф Муниципального трамвайного управления Амало, резко ответил:

– Этим вы добьетесь только одного: нам придется добавлять в начале каждого документа указания, как добраться отсюда до Амал’тэйлейана.

На этом спор был окончен.

Картографы представляли собой группу энергичных молодых эльфов, страстно влюбленных в свою работу. Клерками служили эльфийские дамы среднего возраста, квалифицированные, серьезные и очень гордившиеся своими способностями. Также они гордились заслуженной репутацией всезнаек, которым было известно все, что происходит в Амало, поскольку любой, кому приходилось иметь дело с бюрократическим аппаратом города или княжества (если их вообще можно было разделить), обращался к ним за помощью. Удивительно, сказала мне как-то раз мин Таленин, как часто придворным бюрократам приходится бывать в городе, инспектировать, проводить беседы, участвовать в церемониях.

Мин Таленин и меррем Бечеваран, эльфийки-служащие, сидевшие в то утро в конторе вдвоем, были рады меня видеть. Сплетни меня не интересовали, но я просил дам о помощи, если это требовалось мне для работы. Недавно я расспрашивал их о сестре мера Урменеджа, а теперь показал им портрет Арвене’ан Шелсин.

Мин Таленин распахнула глаза.

– Это же меццо-сопрано из Алой Оперы!

Мин Таленин была порядочной женщиной средних лет из буржуазной семьи, дочерью часовщика, экономной и ответственной. Единственной роскошью, которую она себе позволяла, была опера. Если она и Атрис из Джеймелы опознали убитую как оперную певицу, они, скорее всего, были правы.

– Вы уверены? – переспросил я и еще прежде, чем женщина ответила, понял, что уточнять не было необходимости.

– Абсолютно уверена. А что с ней случилось?

– Ее сбросили в канал три дня назад, – ответил я.

– О нет... – пробормотала мин Таленин.

Я слишком поздно сообразил, что мне следовало бы выразиться более тактично.

– Но кто и зачем мог совершить такое ужасное преступление? – воскликнула меррем Бечеваран. Она была немного моложе мин Таленин и некоторое время назад овдовела.

– Именно это я и пытаюсь выяснить. Надеюсь, вы сможете мне помочь. Мне нужно попасть в Алую Оперу.

– Нет ничего проще! – просияла мин Таленин и принялась рыться в шкафу, стоявшем рядом с ее рабочим столом.

Меррем Бечеваран отошла к стене и зашуршала картами. Она вернулась с картой как раз в тот момент, когда мин Таленин извлекла из шкафа маршрутный лист, написанный изящным почерком.

Меррем Бечеваран разложила на столе карту, а мин Таленин заговорила, время от времени делая паузы, чтобы я успевал записывать.

– Итак. Отсюда вам надо двигаться по Горной улице на северо-восток до пересечения с бульваром Генерала Байджаха. Потом поверните на северо-запад и идите по бульвару Генерала Байджаха до площади Перемирия, где сходятся семь улиц. Вам нужна Индиговая улица, которая идет строго на север. Пройдете квартал до перекрестка с Алой улицей и на северо-восточном углу увидите Оперу.

Меррем Бечеваран нашла в другом шкафу рисунок с изображением Алой Оперы – массивного кирпичного здания. Его нельзя было пропустить или перепутать с другими.

– Спасибо, – поблагодарил я женщин.

– Возвращайтесь и сообщите нам, если наши указания были неточными, – попросила мин Таленин.

– Разумеется, – пообещал я, поклонился и вышел.

Пообедав в недорогом бариджанском заведении – «джо’ан», – я отправился по маршруту, подсказанному мне мин Таленин. Как всегда, ее инструкции были четкими и ясными, и я без проблем нашел Алую Оперу.

Пятиэтажное здание Оперы занимало целый квартал. Огромная арка входа показалась мне разинутым ртом, готовым проглотить меня целиком.

Я сурово приказал себе не думать о глупостях.

Я никогда не бывал в Алой Опере – даже самые дешевые билеты были мне не по карману. Меня поразили красные, как киноварь, стены фойе, и я обрадовался тому, что вокруг никого не было и никто не видел, как я стоял с открытым ртом, словно выброшенная на берег рыба. Фойе было просторным, и цвет стен в сочетании с высоким сводчатым потолком действительно создавал впечатление, будто я нахожусь в пасти чудовища. Я направился к билетной кассе, с неприятным чувством слушая стук собственных каблуков. В окошечке внезапно появился молодой мужчина, наполовину гоблин, и обратился ко мне:

– Чем я могу вам помочь, отала?

– Меня зовут Тара Келехар, – ответил я. – Я Свидетель Мертвых. Мне необходимо поговорить с кем-нибудь из служащих относительно смерти, которую я расследую.

На лице юноши появилось выражение тревоги и неуверенности.

– Я... Я не знаю. Мера Калменедда сейчас нет, и я не знаю, кто...

Он смолк и задумчиво нахмурился. Внезапно ему в голову, видимо, пришла какая-то мысль, и он заговорил:

– Я спрошу мера Пел-Тенхиора. Прошу прощения, я сейчас вернусь.

И он скрылся.

Ждать пришлось недолго: одна из дверей в зрительный зал распахнулась, и в фойе быстрыми шагами вошел какой-то мужчина, тоже полугоблин.

Он был на несколько дюймов выше меня, но фигурой напоминал скорее эльфа, а не гоблина; кожа у него была пепельно-серой, а глаза отливали золотом. Я знал, что такой цвет глаз, как и форма родового имени, характерны для жителей Пеланры, области на западном побережье Бариджана. Мужчина был одет в красивый палевый костюм, волосы он заплел в длинные косы по бариджанской моде, в ушах покачивались золотые амулеты. Он окинул меня раздраженным взглядом.

– Я И'ана Пел-Тенхиор, – произнес он приятным баритоном. – Чем я могу быть вам полезен?

– Меня зовут Тара Келехар, – снова сказал я. – Я Свидетель Мертвых.

На лице мужчины отразилась сложная последовательность противоречивых эмоций, и наконец он произнес без вопросительной интонации:

– Это Арвене'ан.

– Да, – ответил я.

– Проклятье, – пробормотал он со странной смесью гнева и печали. – Я знал, что случилось что-то плохое. Она могла забыть о репетиции, но никогда бы не пропустила спектакля. Я ждал вашего прихода все эти два дня.

– Мы не сразу смогли опознать ее, – объяснил я. – Ее тело было обнаружено в канале.

– В канале? – Судя по положению его ушей, он был искренне удивлен. – Что, во имя всего святого, она делала у канала? Арвене'ан гордилась тем, что никогда не ступала и шагу к югу от городской стены, и хотя это было, *строго говоря*, не совсем так, она определенно не часто отваживалась посещать южные районы города.

– Ее вынесло на берег в Ревет'вералтамаре, – сказал я. – Если, конечно, мы не ошиблись – нам по-прежнему нужно, чтобы кто-нибудь, знавший ее при жизни, опознал тело.

– Нужно? – Он поморщился. – Тогда, наверное, придется идти мне. Минуту.

Он скрылся за двустворчатой дверью. Когда он вернулся, вид у него был хмурый, и, пока мы ехали на трамвае на юг, в сторону площади Генерала Парджадара и здания капитула, лицо его так и не просветлело.

Послушники, дежурившие у главного входа, привыкли провожать родственников на опознание и знали, что делать. Нас провели через публичные помещения здания капитула, потом мы спустились по широкой парадной лестнице в склеп. Внизу дежурил лейтенант Волар; с ним мы прошли в холодную комнату, где на мраморном столе лежало тело женщины. Пел-Тенхиор проявил уважение к мертвой, внимательно взглядевшись в ее лицо.

Потом коротко кивнул.

– Это Арвене'ан. Богини, будьте милосердны к нам.

Он не выглядел убитым горем, но явно был сильно потрясен.

– Вы хорошо ее знали? – спросил я.

– Мы с Арвене'ан были знакомы с детства, – рассеянно ответил он. – Мы ненавидели друг друга. – Внезапно до него дошел смысл сказанного; его уши дернулись так, что звякнули серьги. – О боги. Мне не следовало говорить этого?

– Вы убили ее?

– Нет.

– Тогда у вас нет причин скрывать правду, и я ценю вашу откровенность.

– Я сначала говорю, а потом уж думаю, – печально пробормотал он. – Вы сказали, ее нашли в канале? Что произошло?

– Она была убита, – ответил я.

– Вы знаете, кто это сделал?

– Нет, – я покачал головой, – но для того, чтобы быть ее Свидетелем, я должен это узнать.

Мы сидели в чайной на площади Генерала Парджадара и пили золотистый орчор. Чай был не таким крепким, как я любил, но, с другой стороны, вкус у него был мягче, чем у моего обычного напитка, черного орчора. Пел-Тенхиор, положив в чашку несколько ложек меда, спросил:

– Что вы хотите узнать об Арвене’ан?

– Когда вы в последний раз ее видели?

– Девятого числа. Мы поспорили насчет новой оперы, которую мы сейчас ставим, и она ушла в компании одного из своих покровителей, осмера Боравы Корешара. Было примерно шесть вечера; я помню, потому что рабочие как раз начали устанавливать декорации для «Генерала Олетаджа».

– Ее в последний раз видели живой незадолго до полуночи.

Пел-Тенхиор прижал уши к голове и произнес:

– Как это ужасно, думать, что когда она рассерженно выскочила из театра, жить ей оставалось всего шесть часов.

– Очевидно, мне необходимо побеседовать с осмером Корешаром и остальными ее покровителями. Вам известно, как их найти?

– С ее покровителями?

Мне показалось, что мои слова застали его врасплох, и я удивился.

– Вы же не думаете, что... – Он спохватился и замолчал. – Нет, конечно, у вас есть причины подозревать ее покровителей.

– Аристократ тоже может быть убийцей, – заметил я. – Но в любом случае мне нужно с ними побеседовать – она могла обсуждать с ними такие вещи, о которых не стала бы говорить ни с кем из своего окружения.

Пел-Тенхиор фыркнул.

– В этом вы можете быть полностью уверены. Арвене’ан вела себя с покровителями совершенно иначе, чем с нами.

– Их было много?

– Это еще мягко сказано! Иногда мне казалось, что они с Нанаво, которая исполняет у нас главные партии сопрано, соревновались в том, кто из них сможет очаровать большее количество молодых богатых мужчин. Арвене’ан не интересовали юноши без денег, несмотря на то, что многие были готовы взять ее в жены. Нет, ее устраивали только богачи, а возраст покровителя не имел значения.

– Тогда что она делала в районе Джеймела после заката? – выпалил я и тут же пожалел об этом.

Он вытаращил глаза.

– Ее нашли в Джеймеле?

– Ее нашли в Ревет’вералтамаре, – напомнил я, – но столкнули в воду с пристани в Джеймеле. Я сумел выяснить это с помощью ее воспоминаний.

Он медленно покачал головой, явно расстроенный.

– Зачем она туда пошла? Прошу прощения... я понимаю, что вы сами пытаетесь найти ответ на этот вопрос. Но если вы хотите поговорить с ее покровителями, приходите сегодня вечером в Оперу. Они все будут там.

Я помолчал, про себя прикидывая стоимость билета в Алую Оперу и размышляя о том, какой ущерб такая трата нанесет моему скромному бюджету. Но Пел-Тенхиор сказал:

– О, не волнуйтесь насчет этого. Вы можете сидеть в моей ложе.

– В вашей ложе?

– Я главный режиссер Алой Оперы, – объяснил он с легким шутливым поклоном. – А также главный композитор. Я сижу в ложе у сцены и нагоняю страх на артистов своими замечаниями.

– Но...

– Билеты на эти места в любом случае не продаются, – продолжал он. – Уверяю вас, никто не будет возражать.

– Большинство эльфов и гоблинов предпочитают держаться подальше от таких, как я, – осторожно произнес я.

– Но почему? Не могу понять. Это же не заразно.

– Некоторые, видимо, считают, что заразно.

Он выразил свое презрение к некоторым, тряхнув ушами. Серьги снова звякнули.

– Не обращайтесь внимания на суеверных глупцов. Давайте вернемся в театр, и я скажу служащим, чтобы они вас запомнили и пропустили.

Пока мы ехали на север, Пел-Тенхиор, чтобы искупить (как он сказал) свое нелюбезное поведение по дороге в морг, развлекал меня разговорами о театре. Он рассказал о новой опере, которую сейчас ставил; опера называлась «Джелсу», и написал ее он сам.

– Сюжет может показаться необычным, но мне жутко надоели оперы об императорах и полководцах. И вот мне захотелось написать о простых гражданах. О фабричных рабочих.

– Это действительно необычно, – согласился я.

Композитор усмехнулся.

– О, видели бы вы свое лицо! Я довольно часто встречаюсь с такой реакцией, но это лишь укрепляет мою уверенность в том, что такая опера должна быть написана.

– Должна?

– Опера – это чудесно, но композиторы и режиссеры делают одно и то же уже сотни лет. Я считаю, что мы можем делать *по-другому*; единственный способ это выяснить – попытаться.

– И поэтому вы написали оперу о фабричных рабочих.

– Да! – воскликнул он. – И все получается как нельзя лучше. Тем более в последние несколько дней, когда не было Арвене'ан, которая вечно на что-то жалуется и затевает ссоры... то есть... затевала ссоры. Кстати, об Арвене'ан. Мне нужно найти То'ино и сказать ей, что сегодня она исполняет партию меррем Човенаран. Она будет крайне недовольна. – Он вздохнул. – И еще мне нужно сообщить всем о смерти Арвене'ан.

Я отметил, что он даже не заикнулся об отмене представления, и спросил его почему.

– Мы не можем себе этого позволить, – без тени смущения ответил главный режиссер. – К сожалению, выручки от продажи билетов едва хватает на наши расходы. А наш покровитель...

Он поморщился.

– Обсуждать с ним финансовые проблемы – сущее наказание. Не *думаю*, что он позволит театру прогореть, но, признаюсь, я не так уж в этом уверен.

Мы вошли в фойе, и Пел-Тенхиор сразу подошел к окошку кассы и сообщил кассирам, что сегодня вечером я буду его гостем. Потом обернулся ко мне и спросил:

– Вам что-нибудь еще нужно от меня, отала?

– Вы знаете, где жила мин Шелсин?

– Вообще-то, знаю, – ответил Пел-Тенхиор. – Она живет – то есть жила – неподалеку от меня. В районе Кемчеларна.

– Кемчеларна, – повторил я.

Квартал, расположенный между городской стеной и каналом, был очень модным примерно пятьсот лет назад, а сейчас там селились в основном рабочие и артисты. Я решил снять квартиру в Квартале Авиаторов, поскольку оттуда было недалеко до Ульваненси, и трамвай линии Зулничо ходили прямо до Дома князя Джайкавы, но я мог бы выбрать и Кемчеларну.

Пел-Тенхиор подумал немного и описал мне дорогу не хуже дам из картографического управления:

– Это красный дом с деревянной обшивкой на каменном фундаменте, но обшивка настолько старая, что краска выгорела и стала розовой. Он находится напротив Восточной водопроводной станции, что на Северной Петуниевой улице. На остановке Джеймел’тана садитесь на трамвай линии Корибано и поезжайте по улице Джеймела до площади Императора Белворсины Третьего. Потом поверните на Боярышниковую улицу и идите на восток. Пройдите по Зброшенному мосту, который когда-то соединял берега реки Кемчеларны, и вы окажетесь на перекрестке пяти улиц. Вам нужно будет пройти три квартала на юг по Северной Петуниевой улице, и вы увидите Восточную водопроводную станцию – кирпичное чудовище, которое вы ни за что не пропустите.

– Все понятно. Благодарю вас.

Внезапно его лицо озарила ослепительная улыбка.

– Не стоит благодарности. Но сейчас прошу меня извинить, я должен найти То’ино. Увидимся вечером.

Он зашагал прочь, и я на мгновение потерял равновесие, словно до этого момента меня удерживала в вертикальном положении некая сила, исходившая от него. Нелепая идея. Я отогнал ее, вышел из театра и отправился на поиски дома мин Шелсин.

Следуя указаниям Пел-Тенхиора, я пошел на юго-восток пешком, чтобы сэкономить на трамвае. Я дошел по улице Джеймела до площади Императора Белворсины III, потом преодолел два квартала на восток по Боярышниковой улице и добрался до Зброшенного моста.

Это название ему совершенно не подходило, потому что мост вовсе не был зброшен. Вдоль него теснились лавки и дома. Многие здания, возведенные на месте реки, заключенной в подземный коллектор, имели собственные мосты: они шли от верхних этажей зданий к кованым железным перилам Зброшенного моста.

Я пересек мост, уклоняясь от лоточников и уличных акробатов, потом пошел на юг по Северной Петуниевой улице и вскоре заметил кирпичную громаду Восточной водопроводной станции, торчавшую среди двух- и трехэтажных домов, обшитых досками. Первые этажи некоторых домов занимали магазины. Я остановился на тротуаре перед водопроводной станцией. Выцветшее красное здание, расположенное напротив, – в точности такое, каким его описывал Пел-Тенхиор – оказалось пансионом. С перил веранды свисал зеленый с серебром флаг, оповещающий о том, что здесь имеется свободная комната. На веранде сидела пожилая эльфийская дама с гигантским лоскутным одеялом на коленях. Я не понял, кто она, хозяйка или жилища, но мне показалось, что следует начать с нее.

Дама наблюдала за моим приближением, устремив на меня пронизательный взгляд блестящих выпуклых глаз, и чем ближе я подходил, тем яснее становилось, насколько она стара. Подойдя к крыльцу, я обратился к ней:

– Приветствую вас, даченмаро.

Это позабавило ее. Ее глаза почти исчезли среди морщин:

– Приветствую вас, отала. Присядьте рядом, если не брезгаете обществом старой женщины.

Голос у нее был хриплый, но твердый, она говорила с сильным местным акцентом; так в комических операх изображают злодеев.

– Разумеется, нет, – сказал я и сел на предложенный стул.

Она показала мне свое одеяло. Кусочки разноцветной ткани образовывали узор, известный под названием «Возвращение Вальматы». Сейчас она занималась тем, что сшивала вместе верх, ватин и подкладку, перекрывая «Возвращение Вальматы» орнаментом «Танец Скорпиона». Такое сочетание вполне соответствовало истории о Вальмате, который вернулся с войны и отравил отца, чтобы получить контроль над родовыми поместьями. Эту балладу я слышал в Лохайсо.

Для одного лоскутного одеяла агрессии было слишком много, но я счел за благо оставить свое мнение при себе. Вместо этого я похвалил аккуратные крошечные стежки.

Она с довольным видом рассмеялась и сказала:

– Когда вы проведете с иглой в руках девяносто лет, отала, ваша рука будет так же тверда.

– Девяносто лет шитья – это немало, даченмаро, – заметил я.

– Кому вы это говорите! – снова засмеялась она. – Но не нужно называть меня «матушкой», у меня нет детей. Меня зовут Раде'ан Надин.

– Тара Келехар, – представился я.

– Что привело вас сюда, отала Келехар? Вы ищете комнату?

– Нет, – сказал я. – Я пришел по поводу Арвене'ан Шелсин.

– Мы не знаем, где она, – ответила мин Надин. – Я так и сказала другому юнцу.

Скорее всего, это был кто-то из Оперы, возможно, даже сам Пел-Тенхиор.

– Я не говорил, что ищу ее. Я – ее Свидетель. Ее убили несколько дней назад.

– Мы все думали, почему она не вернулась домой, – мрачно посетовала мин Надин, снова употребив местоимение множественного числа. – Вам следует поговорить с моей племянницей, она хозяйка пансиона. Я знаю только, что эту девушку звали Арвене'ан Шелсин, что она была певицей в Алой Опере. Но вам действительно нужно поговорить с Винсу.

И она громко крикнула неожиданно твердым голосом:

– *Винсу!*

Почти сразу же из дома вышла полная эльфийка, похожая на курицу.

– Тетушка Раде'ан, что случилось?

– Прелат пришел расспросить о мин Шелсин, – сказала мин Надин, кивая в мою сторону. – Они нашли ее тело.

– Ее тело? О нет! – И хозяйка опустила на свободный стул, глядя на меня округлившимися синими глазами.

– Мне очень жаль, – сказал я. – Я Тара Келехар, Свидетель Мертвых. Моя задача – свидетельствовать от имени мин Шелсин.

– Но что же с ней *произошло*? О боги... меня зовут Винсу Надаран, добро пожаловать в мой дом, отала. Я расскажу вам все, что знаю, но мне не слишком много известно о мин Шелсин. Некоторые постояльцы рассказывают о себе все, но мин Шелсин была очень скрытной.

Это, так или иначе, не было для меня сюрпризом. Я сказал:

– Ее нашли в Ревет'вералтамаре. Кто-то толкнул ее в канал.

– О *нет!* – снова простонала меррем Надаран.

– Я знала, что эта девица плохо кончит, – вмешалась мин Надин. – Амбиции – это хорошо, но она была ненасытной.

– Тетя Раде’ан!

– Ой, помолчи, Винсу. Мне девяносто семь лет. Уверена, я достаточно стара для того, чтобы мне было позволено высказывать свое мнение.

Члены некоторых местных сект считали, что о мертвых нельзя говорить дурно, но не все придерживались таких взглядов. Я сказал:

– Я буду благодарен за любые подробности, и вы окажете мне неоценимую помощь, если позволите осмотреть ее комнату.

– О нет, – в третий раз повторила меррем Надаран, но я понял, что это относилось не ко мне.

Мин Надин вздохнула.

– Я ничего не возьму, – пообещал я.

– О, что вы, мне такое даже в голову не пришло бы, – воскликнула меррем Надаран. – Да, конечно. Идите за мной.

В доме царила безукоризненная чистота; кроме того, он оказался больше, чем я думал: на каждом этаже было по восемь номеров, четыре с каждой стороны, а в задней части дома находилась лестница. Мы молча поднялись на третий этаж, и меррем Надаран подвела меня ко второй двери с торца здания. Дверь была заперта, но хозяйка достала универсальный ключ.

– У меня есть правило, – сказала она, – пользоваться им только в крайних случаях.

Я был рад, что меня сочли *крайним случаем*, но подумал, что обижу ее, если скажу об этом. Вместо этого я спросил:

– Вы что-нибудь знаете о мин Шелсин? У нее были родные в Амало?

– Насколько мне известно, нет, но она была молчаливой, как черепаха. – Меррем Надаран отперла дверь и жестом пригласила меня войти. – Она разговаривала только об Опере. Мин Шелсин вот уже три года была примадонной и раздувалась от гордости, как индюк.

Небольшая комната была обставлена просто: кровать, комод, обеденный стол у окна и шаткий стул. Мебель была подержанной. Подобно многим верующим, мин Шелсин устроила на комод нечто вроде небольшого алтаря. Здесь стояли пять миченотас, символизирующие богов, и сувенир из Святилища Ксайво, указывающий на то, что хозяйка совершила по меньшей мере одно паломничество в Амало. Алтарь был единственным, что отражало индивидуальность певицы. Так мне казалось, пока я не открыл дверь кладовки. Я едва не ослеп: здесь были алые, синие, золотые платья, юбки цвета фуксии, зеленые, ярко-желтые, пурпурные. Ткани были такими же вызывающими – шелк, тафта, бархат и парча со всевозможными узорами, газ, кружева, ленты. Я отодвинул в сторону роскошные яркие платья и увидел, что помещение поворачивает направо под прямым углом. В глубине висели еще десятка два платьев, таких же разноцветных и переливающихся, как павлиньи перья.

– Насколько велика эта кладовка?

Меррем Надаран на мгновение смутилась, потом широко развела руки.

– Она тянется вдоль всей комнаты до стены коридора, – объяснила она. – Мои постояльцы очень довольны.

Вспомнив собственную каморку, я кивнул в знак согласия.

В комнате мин Шелсин не нашлось больше ничего интересного. Я поблагодарил меррем Надаран за помощь и ушел, по пути попрощавшись с мин Надин.

– Мы вас еще увидим, отала? – спросила она.

– Скорее всего, да.

Эта перспектива не вызывала у меня энтузиазма, но я знал, что загадка кладовки не даст мне покоя.

– Если вы будете часто нас навещать, – сказала женщина, – я сошью вам лоскутное одеяло.

Я доехал на трамвае до площади Генерала Парджадара. Послушники, дежурившие у входа в здание капитула, явно подумывали о том, чтобы не впускать меня, но потом решили не связываться. Я знал, где искать Аджанхарада, потому что уже бывал здесь, и, миновав несколько длинных темных коридоров, добрался до крошечной комнатухи, служившей ему кабинетом. Мне всегда казалось, что он вот-вот рванется из нее, как бык из тесной клетки.

– Отала! – приветствовал он меня. – Есть новости?

– Жертва – оперная певица по имени Арвене’ан Шелсин. Она жила в районе Кемчеларна. По-видимому, у нее нет родственников в Амало.

Аджанхарад вздохнул и сказал:

– Не думаю, что они знали, к какой конфессии она принадлежала.

– У нее в комнате стояли миченотас, – сообщил я, – и памятный знак из Святилища Ксайво.

– Это сужает круг, – заметил Аджанхарад, немного приободрившись. – Если нам повезет, мы сможем похоронить бедную женщину как полагается.

– Вряд ли найдется родственник, который сможет упрекнуть нас в случае ошибки, – добавил я, хотя и знал, что это утешит его не больше, чем меня.

Вечером я вернулся в Алую Оперу в том же черном шелковом сюртуке, который обычно надевал на службу. Во-первых, у меня не было другой одежды, подходившей для похода в театр, а во-вторых, я шел туда по делу, а не ради развлечения. В билетной кассе меня сразу узнали; словно из-под земли возник юный паж-гоблин и предложил проводить меня в ложу Пел-Тенхиора.

Ложа режиссера располагалась в первом ярусе, почти на сцене; для зрителей такой угол обзора был неудобен, но я сразу понял, что это идеальное место для режиссера, чья задача – наблюдать за работой артистов, а не следить за сюжетом. Кроме того, эти места считались наименее популярными, поскольку находились дальше всего от княжеской ложи, которая располагалась позади партера, напротив сцены. Не думаю, что князю Орченису когда-либо приходила в голову мысль посетить Алую Оперу, но во всех театрах Амало лучшую ложу называли «княжеской» – на всякий случай. В тот вечер в княжеской ложе сидели две богато одетые эльфийские пары. В волосах и ушах мужчин и женщин искрились драгоценные камни. Скорее всего, какие-то мелкие нетитулованные аристократы, решил я; в Опере Амало их никто и не заметил бы, зато здесь они могли почувствовать себя вельможами, причем за сравнительно небольшую сумму.

Оглядев зал, который быстро заполнялся публикой, я отодвинулся вглубь ложи, откуда был виден только занавес, украшенный кистями и фестонами. Не слишком интересное зре-

лице, зато занавес не мог разглядывать меня и гадать, кто я такой. Со своего наблюдательного пункта я также рассмотрел почти незаметную дверь в противоположной стене ложи. И это тоже служило объяснением тому, почему именно эта ложа была режиссерской.

Через некоторое время потайная дверь открылась, и вошел Пел-Тенхиор, снова нарядно одетый, в вечернем костюме из темно-синей с серебром парчи. Золотые серьги он сменил на украшения с лазуритом. Увидев меня, он улыбнулся, приподнял уши и воскликнул:

– О, как хорошо, что вы пришли!

– Мы же договаривались, – ответил я.

– Я не был уверен, что вы придете. Мне показалось, мое предложение привело вас в замешательство.

С этим трудно было поспорить. Я подобрал нейтральный ответ:

– Я следую своему призванию.

– В таком случае садитесь. Посмотрим, кого я смогу найти.

Я сел в кресло в передней части ложи, и Пел-Тенхиор устроился рядом со мной. Обведя зрительный зал цепким взглядом, он заметил:

– Сегодня сборы будут хорошими. «Осада» всегда привлекает зрителей – бесприигрышный вариант. О, я вижу мера Дравенеджа; он, как обычно, сидит в ложе семьи Парджадада.

Скромно одетый мер Дравенедж выглядел чужаком в богатой ложе, но держался уверенно.

– Его работодатель не посещает спектакли?

– Маркиз Парджадель – инвалид, он не покидает родовое поместье. Но мер Дравенедж бывает здесь почти каждый вечер. Я до сих пор точно не знаю почему: может быть, Парджадель специально отправляет его сюда, а может быть, ложа – это одна из привилегий секретаря. Он – один из самых внимательных зрителей, так что я ради его же блага надеюсь на то, что он приходит сюда добровольно.

– Вы никогда его об этом не спрашивали?

– Это было бы проявлением бестактности с моей стороны. Я предпочел оставить мера Дравенеджа в покое. Итак. Мужчины, которые вас интересуют, сидят напротив нас или над нами. Арвене’ан общалась только с теми, кто мог позволить себе места в ложах.

Это меня не удивило. Я кивнул.

– Она высоко метила, – продолжал Пел-Тенхиор. – Она позволяла сыновьям буржуа ухаживать за собой, потому что у них есть деньги, но ей нужны были мужчины вроде осмера Элитара... – Он кивком указал на модно одетого молодого эльфа, расположившегося в ложе бельэтажа. – И дач’осмера Камбешара, который сидит в ложе, соседней с княжеской, неподалеку от мера Дравенеджа.

Облокотившись о бортик нашей ложи, я огляделся и без труда заметил пожилого эльфа, одетого по последней моде. Он сидел рядом с очень красивой эльфийкой вдвое моложе него.

– Да, – ответил Пел-Тенхиор на мой невысказанный вопрос. – Дач’осмер Камбешар покровительствует многим привлекательным молодым женщинам. Арвене’ан очень хотелось вытеснить остальных, но ей это так и не удалось. Он слишком осмотрителен для того, чтобы оказаться в ее власти. Другие мужчины бывали не столь благоразумны.

Он снова кивнул на осмера Элитара.

– Она практически разорила его, и все-таки он делает вид, будто ничего не произошло.

– Это могло бы послужить мотивом для убийства, как вы считаете?

Режиссер некоторое время обдумывал вопрос, показал мне еще двух покровителей мин Шелсин, осмера Понишара и осмера Истанара, и только после этого сказал:

– Возможно. Но я не думаю, что осмер Элитар способен на такое – хотя, заметьте, я не считаю убийство смелым поступком.

– Я понимаю, что вы имеете в виду. Как вы считаете, кто-то другой из ее покровителей мог бы совершить убийство?

– Дач'осмер Камбешар приказал бы своим слугам или наемникам убить ее, глазом не моргнув, – ответил режиссер, – но я просто не могу представить, чтобы поведение Арвене'ан озаботило его до такой степени. – Он снова ненадолго задумался. – Откровенно говоря, трудно определить, что делает мужчину или женщину способными на убийство. Каждый из нас может убить при благоприятных – точнее, неблагоприятных – обстоятельствах.

Итак, он или ловко уклонился от ответа на мой вопрос, или действительно задумался над этой философской проблемой. Я недостаточно знал Пел-Тенхиора, чтобы решить, какой из вариантов ближе к истине.

– Позвольте мне сформулировать вопрос иначе, – сказал я. – У кого-то из них, за исключением осмера Элитара, была причина желать ей смерти?

– Я не слышал, чтобы она еще кого-то, кроме этого бедняги, выжала досуха, – пожал плечами Пел-Тенхиор, – но...

И тут в потайную дверь постучали. Он выругался на родном языке и сказал:

– Мне надо идти, но я постараюсь вернуться как можно скорее. – Он окинул меня строгим взглядом и добавил: – Нет никакой необходимости прятаться в глубине ложи. Мне приходилось принимать здесь и более странных гостей.

Он резко развернулся, взмахнув фалдами фрака, и я не без удивления заметил алую подкладку. А потом он исчез.

Я остался сидеть у барьера, напомнив себе, что на самом деле никто на меня не смотрит, наблюдал за разряженной публикой и размышлял о том, кто из них, подобно осмеру Элитару, находится на грани разорения.

Когда занавес пополз вверх, я испытал детское волнение – словно действительно пришел в оперу развлекаться. Мне была знакома история осады Текхари; этому событию была посвящена длинная поэма, которую меня заставляли учить наизусть в детстве. Эльфы защищали крепость, затерянную в степях, от осаждавшей ее армии гоблинов. Попытки снять осаду были тщетны, отчаяние эльфийских офицеров усиливалось. Гоблины упорно ждали под стенами. Наконец, эльфы, не желая видеть, как их жены и дети гибнут от голода, перебили всех, а потом сожгли Текхари дотла. В поэме красочно описывался ужас гоблинских воинов, обнаруживших среди дымящихся развалин трупы детей. Я уже слушал эту оперу, но меня снова захватил сюжет и жуткая дилемма, с которой пришлось столкнуться гарнизону Текхари. Я даже не заметил возвращения Пел-Тенхиора. Я обратил внимание, что партию меррем Элореджо исполнила женщина из народа гоблинов; она показалась мне самой талантливой певицей в труппе. Начался ее дуэт с меррем Деватаран (эта роль досталась миловидной эльфийке-сопрано, которой было на вид около пятидесяти, но которая пыталась сойти за тридцатилетнюю). Голоса певиц звучали так прекрасно, что все мы затаили дыхание. Стих даже скрип стального пера Пел-Тенхиора.

Во время антракта Пел-Тенхиор сказал:

– Еще пара поклонников Арвене'ан пришла позже. Мер Ксенивар сидит в ложе напротив нас, а осмер Олчевар – над нами.

– Предполагаю, мер Ксенивар весьма богат?

– Вы имеете в виду – если он привлек внимание Арвене'ан? Да, у него очень богатый отец, который выдает ему щедрое содержание, а кроме того, юноша весьма настойчив. Если кто-то из поклонников и был ею одержим, то это он.

Молодой мужчина-эльф в ложе у сцены разговаривал со своим спутником, который, судя по всему, приходился ему родным братом. У них были очень похожие черты лица, и они пользовались услугами одного портного.

Пел-Тенхиор продолжал:

– Хотите, я представлю вас кому-то из них? Не всем этим господам я нравлюсь, но мы, конечно же, знакомы.

– Благодарю, но не стоит. Это не то место, где мне хотелось бы их расспрашивать.

– Понимаю, – сказал Пел-Тенхиор, оглядывая оживленно болтающих зрителей. – Этот зал совершенно не годится для важного разговора.

– Они даже не отнесутся ко мне серьезно, – подтвердил я.

Вероятно, благодаря присутствию Пел-Тенхиора, яростно строчившего в блокноте, я заметил кое-какие детали постановки «Осады Текхари», на которые прежде не обращал внимания. Например, артисты хора солдат-гоблинов не были загримированы черной краской, они просто облачились в черные плащи и шлемы. Укрепления Текхари изображала невысокая каменная декорация, но благодаря мастерству актеров, игравших офицеров и их жен, публика верила в то, что они стоят на крепостной стене, падение с которой смертельно. Костюмы были великолепны; глядя на них, я вспомнил гардеробную мин Шелсин.

После того как вражеские воины, залитые зловещим красным светом, оплакали гибель осажденных, занавес опустился, а артистов и режиссера несколько раз вызвали на поклон, я еще некоторое время сидел и наблюдал за покровителями мин Шелсин, которые собирали вещи и готовились уйти. В ложу вернулся слегка запыхавшийся Пел-Тенхиор и выпалил:

– О, превосходно, вы еще здесь!

– Вам что-то нужно от меня?

– Скорее, я хотел поинтересоваться, не нужно ли *вам* что-нибудь от *меня*. – И он бросил на меня вызывающий взгляд. – Я терпеть ее не мог, но не желал ей смерти. Если она была убита, я хочу, чтобы убийцу схватили. А если вы действительно намерены найти этого негодяя, я хочу знать, чем могу вам помочь.

Должно быть, мое лицо вообще ничего не выражало, потому что Пел-Тенхиор пробормотал:

– Прошу прощения, если я оскорбил вас, отала, но я подумал...

– Нет-нет, вы меня вовсе не оскорбили, – торопливо перебил я его. – Откровенно говоря, я очень нуждаюсь в помощи. Просто ваши слова удивили меня.

– Удивили? – недоверчиво повторил он. – Мне кажется, каждый хочет, чтобы убийц ловили, а справедливость торжествовала.

– Многие предпочли бы, чтобы дело замяли и как можно быстрее забыли о нем.

Режиссер неодобрительно прижал уши к голове.

– Тот, кто ведет себя подобным образом, позорит своих предков, – заметил он.

Этой фразой он выдал – возможно, невольно – свою принадлежность к религиозному течению, весьма распространенному в Бариджане. Верующие почитали, наряду с богами, фигуру Праматери, Дакх’дакхенмеро, которая, согласно их верованиям, покровительствовала роду. У каждой семьи была своя Дакх’дакхенмеро.

– Я с радостью приму любую помощь, – заверил я Пел-Тенхиора. – Во-первых, мне необходимо тщательно осмотреть ее комнату.

– Отлично, – сказал он. – Я могу пойти с вами. Возможно, я знал ее лучше остальных. – Пел-Тенхиор поморщился. – Какая кошмарная эпитафия. Она ненавидела меня не меньше, чем я – ее.

– У нее были подруги? Или только покровители и... хм... коллеги?

– Она водила дружбу с двумя девушками из канцелярии. Я не знаю их имен, но могу выяснить.

Я осторожно произнес:

– Я должен буду поговорить со всеми вашими служащими.

– Со всеми?

– Единственный способ найти свидетеля, обладающего нужной мне информацией, – это расспросить всех, кого только возможно.

– Вашей службе не позавидуешь, – заметил Пел-Тенхиор. – Что ж, если вы не возражаете против того, чтобы заниматься этим постепенно, можете поговорить с артистами во время репетиций, когда они не на сцене. Здесь вы их точно найдете. Каждый рано или поздно появится в театре.

– Хорошо, – кивнул я. – Когда вы сможете сходить со мной в пансион?

– Утром, в любой день, когда вам удобно.

– Утром?

– Во второй половине дня у нас репетиции, – пояснил он. – Я должен быть в Опере. А в чем дело?

– По утрам я жду просителей в своей конторе в Доме князя Джайкавы.

– Наверное, это ужасно тоскливо.

«Иногда», – едва не вырвалось у меня, но я вовремя сдержался.

– В таком случае я приду к вам с петицией, – решил Пел-Тенхиор. – Странно выступать в роли ее родственника, но вся ее семья погибла во время эпидемии и'ардиты пять лет назад.

– Вы достойны уважения.

– Вы так считаете? Потому что я хочу помочь в поимке преступника?

– Потому что вы намерены *что-то* предпринять. Как я уже сказал, в большинстве случаев близкие убитого хотят, чтобы проблема уладилась сама собой. Быть Свидетелем от имени жертвы убийства – неблагодарное занятие. Оно бывает трудным и болезненным.

Он с интересом вглядывался в меня, наострив уши.

– И все-таки вы продолжаете быть Свидетелем Мертвых.

– Это мое призвание, – объяснил я. – Я пытался оставить службу, но мне стало еще хуже. Я влачил жалкое существование. Я не смог... – Я осекся, не в силах найти нужных слов.

– Когда мне было пятнадцать, – немного смущенно заговорил Пел-Тенхиор, – и у меня начал ломаться голос, я лишился необыкновенного сопрано, и у меня остался ничем не примечательный баритон. Я хотел навсегда покинуть оперу – в основном по причине уязвленной гордыни, – но не сумел. Мне оставалось лишь попытаться найти другой путь в сад императрицы Кориверо, прошу прощения за вычурную метафору. Так что могу сказать, что я в какой-то степени вас понимаю.

– Музыка – это тоже призвание, – сказал я.

– Однако оно не идет ни в какое сравнение с призванием служить богу.

– Я бы так не сказал, хотя многие прелаты не согласятся со мной. Однако, развивая вашу метафору, замечу, что Улис является божеством грез.

Его уши опустились, выдавая удивление и тревогу.

– Мне не приходила в голову такая связь. Вы поэт, отала.

Я не был полностью уверен, что это комплимент. Наверное, он тоже смутился, потому что неожиданно деловитым тоном сказал:

– Дом князя Джайкавы, верно? Встретимся там завтра в десять.

И он исчез за дверью, как кролик в норе. Лишь негромко щелкнул замок.

В ту ночь я не мог уснуть. Впрочем, это было неудивительно. Почти полная луна заливала город холодным ярким светом. Иногда во время бессонных ночей – а их в моей жизни было немало – я просто лежал в постели, обдумывая загадки, недавно предложенные мне просителями; иногда, смирившись с расходами на освещение, зажигал лампу и перечитывал один из купленных бульварных романов. Часто я одевался, выходил на улицу и прогуливался по местным кладбищам. Это были небольшие кладбища, принадлежавшие семьям или жителям квартала, непохожие на огромное безликое поле Ульваненси. За могилами и тропинками тщательно ухаживали; а поскольку местные боялись упырей (кстати, в таком большом городе, как Амало, страх был необоснованным и отдавал суевериями), я не встречал во время своих прогулок ни парочек, пришедших на тайное свидание, ни других бедняг, страдающих бессонницей. С тех пор как мер Урменедж пришел ко мне со своей просьбой, я использовал бессонные ночи для поисков могилы мин Урменеджен, но до сих пор все мои попытки были тщетными. Сегодня я отправился в соседний квартал на кладбище Улчорани, которое горожане содержали на свои деньги.

Улчорани было организовано довольно просто, без претензий на роскошь и изящество. Я ходил взад-вперед по дорожкам среди могил, читая при свете луны надписи на надгробиях. Я отметил, что имена были вырезаны четко и разборчиво и что ремесленник обладал интересной и узнаваемой манерой написания букв. Большинство коллективных кладбищ покровительствовало какому-то одному каменщику, иногда подписывая с ним контракт, чтобы обеспечить скорейшее выполнение работы.

Я едва не прошел мимо ее могилы – во-первых, потому, что в глубине души не ожидал найти ее здесь; а во-вторых, потому, что привык думать об усопшей как об Инширан Урменеджен. На надгробии было высечено: «Инширан Авелонаран», а ниже – «УЛАНУ», подходящее имя для нерожденного ребенка неизвестного пола.

Несколько мгновений я в изумлении рассматривал могильный камень, только теперь понимая, что практически не верил в успех своего предприятия. Я не думал, что найду ее когда-нибудь, и уж точно не думал, что найду ее *здесь*.

– Как вы очутились в Улчорани? – спросил я вслух. В романе она ответила бы мне; в реальной жизни ни один Свидетель Мертвых не мог получить ответов, не прикоснувшись к телу покойника, а кроме того, она умерла слишком давно.

Умерла вместе с нерожденным ребенком. Неужели мер Урменедж был все-таки прав насчет убийства?

Мер Урменедж, уважаемый представитель местной эльфийской буржуазии, пришел ко мне в большом расстройстве. Его тридцатипятилетняя сестра никогда не была замужем и не испытывала никаких комплексов по этому поводу. Она увлекалась наблюдением за жизнью птиц и проводила время, свободное от преподавания основ истории и математики в начальной школе, плавая в каноэ по озеру Джеймела, что, по его мнению, не подходило даме из общества.

И вот однажды она познакомилась с мужчиной.

Брат никогда не видел ее такой взволнованной; целую неделю она могла говорить только об этом Кро'исе Авелонаре, о том, что он сказал или сделал. А потом, без предупреждения, не посоветовавшись с родными, сестра уволилась с работы и ушла из дома, оставив лишь письмо, в котором ничего не объясняла и не извинялась за свой поступок. Можно было подумать, его написал посторонний человек.

Мер Урменедж и две его другие сестры (их родители скончались) очень опечалились, поскольку решили, что больше никогда ничего не узнают об Инширан. Но спустя полгода они получили письмо, в котором беглянка сообщала о своей беременности. Урменада пришли в восторг: никто из них не собирался вступать в брак, поскольку – как с горькой иронией заметил Мер Урменедж – они были семьей затворников. Рождение у Инширан ребенка было единственным шансом обеспечить продолжение рода.

Они ответили на письмо, уверяя сестру в том, что в семейном доме ее ждет радушный прием – а если точнее, умоляя ее приехать в гости, – но вместо ответа получили короткую сухую записку от Авелонара. В ней сообщалось, что Инширан скончалась и была похоронена в Квартале Авиаторов. Все было кончено.

Но...

Меру Урменеджу не давало покоя странное совпадение. Инширан недавно забеременела, решила восстановить отношения с семьей – кстати, мер Урменедж на основании некоторых фраз из письма пришел к выводу о том, что Авелонар запрещал ей общаться с родными, – и вдруг она умирает. Авелонар не назвал причины смерти, ничего не объяснил; не пригласил их на похороны, которые, судя по всему, состоялись некоторое время назад. Все это было настолько не похоже на поведение убитого горем вдовца, что мер Урменедж уверился: муж каким-то образом избавился от Инширан.

С другой стороны, он признался, что одна из сестер считала его теорию бредом сумасшедшего.

Собственно, мер Урменедж пришел ко мне не потому, что надеялся уличить зятя в убийстве. Он хотел найти могилу Инширан. После того единственного письма от Авелонара больше не было никаких известий, а послания Урменеджа возвращались с пометкой «адресат выбыл».

Когда я все это выслушал, у меня возник еще один вопрос.

– У вашей сестры были собственные средства, которыми она могла бы привлечь брачного афериста?

Мер Урменедж мрачно кивнул.

– Наш дед с материнской стороны – мать была его единственным ребенком – решил оставить все деньги старшей внучке, вместо того чтобы распределить их между нами. Инширан получала ежемесячное содержание, большую часть которого отдавала на хозяйство, но состояние оставалось под ее контролем.

– И когда она покинула ваш дом, вы лишились этого дохода.

– Да.

– А что произошло с деньгами после ее смерти?

– Этого мы не знаем. Мы не знаем даже, составила ли она завещание.

– Нам придется это выяснить. Это может также помочь установить местонахождение мера Авелонара. Если он получил наследство, его юристы должны знать, как с ним связаться.

– Вы мудры, отала.

– У меня просто имеется определенный опыт, – возразил я. – Поведение этого мужчины с самого начала говорило о том, что у него имелись некие скрытые мотивы для женитьбы на вашей сестре.

– Он вел себя подло, – сказал мер Урменедж.

– Да, но вопрос в том, где он мог ее похоронить.

– На самом дешевом кладбище, – с горечью ответил мер Урменедж.

– Определенно, это уже кое-что.

И я начал осмотр беднейших кладбищ Квартала Авиаторов. Постепенно я обыскал большую их часть.

Когда я добрался до Ульваненси, то был уверен, что обнаружу ее на муниципальном кладбище, потому что похороны там стоили дешевле всего. Но Анора и его прелаты, пересмотрев

свои огромные потрепанные книги, в которые записывали данные об умерших, не смогли найти женщины по имени Инширан. Я обошел кладбище вдоль и поперек, разыскивая нужное надгробие. К счастью, она скончалась сравнительно недавно, и останки еще не могли перенести в катакомбы. Там найти ее было бы уже невозможно.

Но нет, ее могила находилась не на кладбище бедняков. Она была похоронена в Улчорани – очевидно, Авелонар был уверен в том, что никому не придет в голову искать ее здесь.

Доказав, что он ошибался, я почувствовал немалое удовлетворение.

Часть утра я провел в своей холодной конторе за составлением письма меру Урменеджу, в котором информировал его о своем открытии и советовал, как действовать дальше. Это было невеселое занятие, но меня утешало сознание того, что я сделал все возможное и выполнил свою работу. Я написал ему, что он должен переговорить со служителями Святилища Ксайво по поводу эксгумации и вскрытия. Они могли найти свидетельства преступления даже спустя долгое время после смерти. Конечно, результат зависел от того, каким способом Авелонар убил ее – если он действительно это сделал, – и от степени разложения тела. Но попытаться стоило.

Насчет поисков Авелонара у меня не было никаких идей.

Ближе к полудню на пороге появился И'ана Пел-Тенхиор. Он был одет с большим изяществом, на сей раз в темно-зеленый сюртук; его уши украшали серьги с мелкими изумрудами.

Я особенно остро ощутил убожество собственного одеяния. Отложив ручку и бумагу, я спросил:

– Чем мы можем помочь вам, мер Пел-Тенхиор?

Он церемонно поклонился и, подхватив мой официальный тон, ответил:

– Мы пришли для того, чтобы просить вас свидетельствовать от имени умершей Арвене'ан Шелсин. И снова предложить вам нашу помощь.

Я поднялся и с признательностью произнес:

– Тогда пойдемте осматривать ее комнату.

Прогулка по Зброшенному мосту в компании Пел-Тенхиора сильно отличалась от моего предыдущего визита в эти места. Казалось, он был знаком со всеми уличными артистами и философами, с большинством продавцов. Нам пришлось остановиться на несколько минут, пока он торговался с букинистом; предметом торга служил толстый томик в двенадцатую долю листа размером с половину кирпича. Вернувшись, Пел-Тенхиор принялся извиняться, но я видел, как он доволен покупкой, и не мог на него сердиться.

– Это «Полное собрание опер Пел-Терамеда», – сообщил он с таким видом, как будто это все объясняло. Потом рассмеялся и сказал: – Прошу прощения. Пел-Терамед – драматург, живший на юге Бариджана примерно двести лет назад. Когда мой дед со стороны Тенхиоров был мальчишкой, произведения этого автора были популярны в эльфийских городах, поэтому сейчас партитуры его опер можно найти на рынке... – Он помолчал, подыскивая слово. – На

огромном рынке старой книги, который существует в Амало – в лавочках букинистов, у торговцев-разносчиков. Но «Полное собрание опер» я увидел лишь сегодня. К сожалению, здесь только либретто, иначе нам понадобилась бы тележка.

– Вы собираетесь поставить одно из его произведений в Алой Опере?

– Вряд ли, – весело ответил он. – Это старомодные оперы с кровавыми сюжетами, где герои клянутся отомстить врагам, стоя над трупами возлюбленных. Но теперь, когда я, наконец, заполучил эту книгу, я попытаюсь адаптировать что-нибудь для современного зрителя. Или просто буду наслаждаться чтением и вспоминать деда – он пересказывал мне сюжеты, когда я был маленьким. Кстати, возможно, именно благодаря ему я решил писать не только музыку, но и либретто. В противном случае мне пришлось бы сочинять музыку для историй других авторов.

– Вы еще выступаете на сцене?

– Я *могу* петь, – ответил он, – но мне не видать ведущих партий, да и в любом случае по темпераменту я лучше подхожу на роль руководителя.

Он ухмыльнулся, приглашая меня посмеяться над ним, и я, к собственному изумлению, расхохотался.

– Вы недостаточно часто смеетесь, отала, – заметил Пел-Тенхиор. – Это связано с вашим служением?

– Не все прелаты Улиса угрюмы по природе, – ответил я.

– Но вы, значит, по природе угрюмы?

Я замялся. Воспоминания об Эвру нахлынули на меня, и я не мог говорить. Пел-Тенхиор произнес:

– Прошу прощения, отала, мне не следовало об этом спрашивать.

– Это хороший вопрос, – вздохнул я, – просто я не знаю ответа на него.

Он нахмурился, но ничего не сказал.

Я попытался сформулировать ответ так, чтобы не выдать лишней информации о себе.

– Я довольно давно потерял того, кто был мне очень дорог, и до сих пор горюю о нем. Лишь недавно я понял, что мое призвание не умерло вместе с ним. А может быть, я просто отвык смеяться.

– Это очень грустно, – сказал Пел-Тенхиор.

Я пожал плечами и смущенно произнес:

– Это в прошлом.

– Правда? Мне кажется, дело обстоит не совсем так, но я не хочу лезть к вам в душу. Давайте поговорим о чем-нибудь другом. Я в основном болтаю об опере, но для непосвященного это скучно, так что выберите предмет для беседы.

– У меня нет таланта вести светские разговоры, – честно признался я.

– Это потому, что у вас не было подходящего собеседника. Вы счастливы здесь, в Амало, или вам хочется вернуться ко двору?

– Я ненавижу жизнь при дворе.

Брови Пел-Тенхиора поползли вверх.

– Вы так откровенны! А почему вы ее ненавидели? Чуть ли не каждый провинциал мечтает попасть в столицу.

– Меня приняли там из милости, – объяснил я. – Эта милость была неохотно оказана и неохотно принята. Кроме того, служба в доме моей родственницы Ксору у любого вызовет отвращение к придворной жизни.

Он искоса взглянул на меня.

– Ходят слухи, что вы не раз беседовали с императором.

– Это верно.

– Какой он? У нас здесь, в провинции, есть только литографии со сценой коронации, а вы знаете, что на них никто не похож на себя.

– Он высокий, примерно как вы, но очень худой. Кожа у него темнее, чем у вас, а глаза очень светлые. Внешне он похож на отца. – Я поразмыслил над тем, как лучше охарактеризовать Эдрехасивара VII. – Он говорит с подданными любезно, терпеливо, ведет себя достойно.

– Как вы считаете, он будет хорошим императором?

– Да, – убежденно ответил я. – Он *уже* хороший император и останется им.

Дом на Северной Петуниевой улице ничуть не изменился: на перилах висел флаг, почтенная дама восседала на веранде.

– Отала! – воскликнула она. – Вы вернулись и привели с собой друга.

– Мин Надин, – заговорил я, – это И'ана Пел-Тенхиор, он работал с мин Шелсин в Алой Опере. Мер Пел-Тенхиор, это мин Раде'ан Надин.

Пел-Тенхиор поклонился на придворный манер, чем доставил мин Надин огромное удовольствие. Она сказала:

– Должно быть, вы пришли насчет кладовки. Винсу не знает, что и делать.

– Кладовки? – переспросил Пел-Тенхиор.

– Кладовка мин Шелсин достойна внимания, – улыбнулся я.

– Заходите же, – пригласила мин Надин. – Винсу будет рада вас видеть.

– Я сгораю от любопытства, – сказал Пел-Тенхиор и последовал за мной в дом.

На пороге кухни появилась меррем Надаран. Ее руки были перепачканы мукой.

– О, отала, вы вернулись!

Из уст мин Надин это прозвучало как приветствие, но хозяйка пансиона словно молила о помощи.

– Что мне делать со всей этой одеждой?

– Я привел служащего из Алой Оперы, – объяснил я, сознавая, что мне вдвойне повезло. – Возможно, он сумеет нам помочь. Это И'ана Пел-Тенхиор. Мер Пел-Тенхиор, это меррем Винсу Надаран.

– О боги, а я вся в муке. Прошу, поднимайтесь! Я не могу оставить пироги.

И она скрылась.

– Я сейчас умру от любопытства, – улыбнулся Пел-Тенхиор.

Мы поднялись в комнату мин Шелсин. Дверь была открыта; по-видимому, меррем Надаран начала разбирать вещи жилицы. Я показал Пел-Тенхиору кладовку. Заглянув внутрь, он пробормотал:

– Теперь я понимаю отчаяние меррем Надаран.

Сегодня платья показались мне даже более яркими и кричащими, чем в прошлый раз.

– Я подумал... возможно, мин Шелсин брала из театра одежду... поносить.

– «Брала поносить» – это мягко сказано, отала. На мой взгляд, вы преуменьшаете масштабы происшедшего. Выражение «брала без разрешения» ближе к правде, а самое точное слово – «воровала».

– Я боялся, что дело обстоит именно так.

– Меня удивляет и, откровенно говоря, расстраивает тот факт, что никто из служащих не сообщил о происходящем мне. Это костюм Ишору из «Императора Эдретантивара». – Он снял с вешалки роскошное платье жемчужного цвета и практически швырнул его мне. – А в таких платьях выступал хор из «Рыцарей Джа'о» пять лет назад. Анмура, дай мне сил! Это платье Второй горничной из «Замка Шориви» и костюм Старшей розы из «Сна императрицы Кориверо». Интересно, она собиралась вернуть его этой осенью для постановки?

– За этим рядом есть еще, – сообщил я.

Пел-Тенхиор свирепо фыркнул и исчез в недрах кладовки. Я осторожно положил дорогое платье на кровать.

– Она даже не была занята в «Калистрани»! – крикнул Пел-Тенхиор из-за завесы платьев. – Это один из костюмов Ама’о. У костюмеров будет истерика, но не знаю, от радости или от досады.

– Неужели *все* эти платья краденые?

– Только дорогие, – кисло ответил Пел-Тенхиор.

– Но как ей удалось незаметно вынести из театра столько одежды?

– Если бы видели нашу костюмерную, вы бы не стали задавать таких вопросов. Осрейан, будь милосердна к нам! Неужели там третий ряд? Эта кладовка похожа на пещеру дракона.

Последовала пауза, во время которой слышался только шорох ткани.

– Да, платьев еще много, но, благодарение богам, краденого больше нет. Не уверен, что мое сердце выдержало бы такой удар.

Снова раздалось шуршание, и Пел-Тенхиор возник на пороге чулана; его прическа растрепалась, сюртук запыхлился.

– Теперь у меня другая проблема: как доставить все эти костюмы *обратно* в Оперу. Арвене’ан, судя по всему, просто уходила в них домой, но *кто-то* же должен был заметить! Мне хотелось бы побеседовать с этими «кем-то» и спросить их, о чем они при этом думали. Но сначала мне придется нанять носильщика с тележкой. Платьев слишком много, я не могу тащить эту охапку по грязным улицам.

– Может быть, нам поискать еще какие-нибудь краденые вещи? Или что-то, что могло бы пригодиться Опере? Вы сказали, что у Арвене’ан не было родных, а меррем Надаран, насколько я понимаю, не нужно имущество покойной.

– Перчатки, – быстро сказал Пел-Тенхиор. – Вы не поверите, насколько быстро у нас заканчиваются перчатки – при том, что их *чинят* до тех пор, пока есть что чинить. – Подумав, он добавил: – А еще нижние юбки в хорошем состоянии. Знаете, а я рад, что Арвене’ан в каком-то смысле расплачивается с Оперой за свое чудовищное воровство.

– Возмещение убытков, – произнес я.

Он рассмеялся.

– Да, пожалуй.

– Я не шучу. Часть моей работы Свидетеля Мертвых – следить за тем, чтобы мертвые возместили ущерб, причиненный ими при жизни, и, в свою очередь, получили возмещение.

Я принялся шарить в комод. Поиски оказались недолгими. Выдвинув верхний ящик, я увидел ворох ломбардных квитанций, похожий на скопление спящих мотыльков.

– Мне кажется, я знаю, куда подевались все ее украшения.

Пел-Тенхиор подошел ближе.

– О боги, – воскликнул он. – Что ж, это вне пределов нашей компетенции.

– Верно, – мрачно ответил я. – Но, возможно, ростовщики позволят мне сопоставить квитанции с вещами.

– Вам правда нужно это делать?

– Не знаю, – ответил я. – И это значит «да».

Полдня мы возились в комнате Арвене’ан Шелсин, складывая на кровать все, что принадлежало Алой Опере или могло ей пригодиться. Меррем Надаран была рада избавиться хотя бы от части забот. Кроме платьев, напоминавших оперение сказочных птиц, мы забрали перчатки, носовые платки, шелковые чулки и туфли. А еще гребни и шпильки ташин для укладки

волос, многие из которых тоже являлись собственностью Алой Оперы, судя по крошечным буквам «АО», нацарапанным иголкой.

Пока мы работали, Пел-Тенхиор постепенно рассказал мне множество подробностей о мин Шелсин. Он говорил о ее голосе, который, по его словам, *был прекрасным, но не бесплодным*.

– Она часто грозилась уйти в Оперу Амало, но там ее никогда не взяли бы на первые роли, и она это знала. Арвене’ан *обожала* исполнять ведущие партии. Мне кажется, она никогда не простила бы мне того, что я отдал роль Джелсу другой певице – Оторо.

– В Опере должна быть еще одна артистка, исполняющая ведущие партии меццо-сопрано, – заметил я. – Если бы вы слишком часто давали роли женщине из народа гоблинов, об этом писали бы в газетах.

– Вы так считаете? – усмехнулся Пел-Тенхиор. – Меррем Аншонаран ждет первенца, скоро роды. Она работала буквально до последнего. Мы с радостью примем ее обратно.

– Но мин Шелсин вы бы *с радостью* не приняли?

– Увы.

Немного погодя он снова заговорил:

– Все певцы и певицы обожают сплетничать, в том числе и я. Но Арвене’ан нарочно говорила окружающим обидные вещи, старалась задеть, уколоть. Ей нравилось разжигать ссоры между членами группы, но самой оставаться в стороне.

– Значит, она причиняла другим боль, но так, чтобы ее нельзя было обвинить в этом, – сказал я, вспомнив одну из своих прихожанок в Авейо.

– Можно и так выразиться, – согласился Пел-Тенхиор, осторожно раскладывая на кровати платье темно-синего бархата с пышными юбками из газовой ткани. – Она терпеть не могла тех, кто видел ее насквозь. Вероятно, именно поэтому Арвене’ан дорожила дружбой девиц из канцелярии, которые приписывали ей несуществующие добродетели. – Он расправил синюю юбку и выпрямился, рассеянно глядя перед собой. – Это костюм из оперы «Маска императрицы ночи», которую мы ставили в честь свадьбы князя Орчениса, как раз перед крушением «Мудрости Чохаро». И Арвене’ан украла его.

– Красивое платье, – сказал я.

– Не знаю, почему меня это так удивляет, – вздохнул Пел-Тенхиор. – Если бы она была хоть немного порядочной, она, для начала, не воровала бы платья из Оперы.

– Возможно, она не относилась к этому как к воровству, – возразил я не слишком твердо, потому что не знал, верю ли своему собственному предположению.

– Вы не знали Арвене’ан. Здесь костюмов на тысячи муранай; готов побиться об заклад, она вовсе не планировала возвращать ни одного из них. Арвене’ан никогда не упускала из рук того, чем ей удавалось завладеть, и по доброй воле не рассталась бы даже с мелкой монетой. И очень хорошо помнила обиды. Она присасывалась к мужчине как пиявка... Наверное, это прозвучит ужасно, но я нисколько не сожалею о ее смерти.

– Вы не боитесь, что я использую эти слова против вас?

Пел-Тенхиор обернулся и несколько мгновений смотрел мне в лицо. Потом сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.